

ОТ РЕДАКТОРА	1.htm	
НЕЗНАКОМЫЙ ЗАХОДЕР	2.htm	<i>вадим левин</i>
<hr/>		
ПСИХОЛОГИЯ ФАНАТИЗМА	3.htm	<i>александр асмолов</i>
ЛИКИ ФАНАТИЗМА	4.htm	<i>омар годинес</i>
<hr/>		
СЖИГАЮЩИЕ МОСТЫ	5.htm	<i>ольга арестова</i>
ПОД ЗАЩИТОЙ ДВОРА	6.htm	<i>ирина прусс</i>
ЧЕГО МЫ БОИМСЯ...	7.htm	<i>алексей баталов</i>
КОНЕЦ ДЕТСТВА	8.htm	<i>анатолий берштейн</i>
КАК МЫ БЛАГОДАРИМ ДРУГ ДРУГА	9.htm	<i>светлана кривцова</i>
ЧЕГО МЫ БОИМСЯ	10.htm	<i>светлана немоляева</i>
ПОДАРОК БЕЗ ВСЯКОГО ПОВОДА	11.htm	<i>татьяна бабушкина</i>
В СЛАДКОМ ПЛЕНУ СТЕРЕОТИПОВ	12.htm	<i>сергей плахотников</i>
ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	13.htm	<i>иосиф фурман.</i>
ДЕТСКАЯ СВЯТОСТЬ	14.htm	<i>вера абраменкова</i>
<hr/>		
ВИНА ПЕРЕД РЕБЕНКОМ, ВЗРОСЛЫМ И СОБОЙ	15.htm	<i>вера лосева, алексей луньков</i>
ДВЕ РЕПЛИКИ ПО ПОВОДУ ЧУВСТВА ВИНЫ	16.htm	<i>маргарита жамкочьян</i>
<hr/>		
ОНИ ЗАГОВОРИЛИ...	17.htm	<i>сергей степанов</i>
СПАСТИ ВРЕМЯ	18.htm	<i>расселл кирк</i>
ЧЕГО МЫ БОИМСЯ	19.htm	<i>игорь кио</i>
КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ	20.htm	<i>маргарита жамкочьян</i>
КРУГ ЧТЕНИЯ	21.htm	<i>анатолий берштейн</i>
КНИГИ	22.htm	<i>джоанна ролинг / игорь бурлаков</i>
ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА	23.htm	<i>ирина уварова</i>

ОТ РЕДАКТОРА

За что ты меня любишь? – неутомимо спрашивает Он.

– А ты за что меня любишь? – которое тысячелетие подряд ждет ответа Она.

– Ты кого больше любишь: папу или маму? – допытываются из века в век у растерянного ребенка взрослые. И так раз за разом повторяются в истории человечества вопросы, за которыми явно или неявно проступает Культура Полезности. Культура обмена, в которой царствуют формулы: “дашь на дашь”, “сколько ты стоишь”, “я столько для тебя сделал(а)...”. И покачиваются вверх и вниз весы, отмеряющие в странных единицах из незримой палаты мер и весов порции любви людей друг к другу.

Древние говорили: “Никогда не спрашивайте, в чем смысл жизни, ибо уже самим этим вопросом вы разрываете жизнь и ее смысл”. Точно так же и с любовью. Мы любим “не за что-то”, а “просто так”. В одном добром мультфильме зверек преподносит цветок другому. В ответ раздается вопрос: “За что?” И следует редкий ответ: “А просто так”. В Культурах Достоинства любят не за что-то, а просто так. В Культурах Достоинства влюбляются в него или в нее, ребенка или друга не за ум, красоту, положение на социальной лестнице, а “просто так”.

Наши дети есть на этой Земле, а Детство живет в наших душах. И этого, поверьте, уже достаточно для любви... Достаточно, если вы – из Культуры Достоинства.

Вот и мы, редакторы и авторы журнала “Педология/новый век”, мечтаем, чтобы наш читатель почувствовал, что перед ним его журнал, журнал из Культуры Достоинства, а сам он – житель этой культуры. Я уверен, что читатель уже догадался, что в нашем журнале идет неспешный разговор о таких нескончаемых экзистенциальных проблемах человеческого существования, как проблемы доверия, одиночества, фанатизма, добра и зла. Словом, о проблемах, которые всегда возникают на границе встречи мира детей и мира взрослых, о проблемах, которые отчаянно пульсируют и обостряются в те мгновения, когда мы сталкиваемся с его величеством Выбором: Выбором любимых, Выбором себя самого, Выбором жизни по законам Культуры Полезности или Культуры Достоинства.

И пусть в этом выборе вам помогут найти точку опоры слова навсегда вошедшего в редколлегию “Педологии” и уже при жизни ставшего бессмертным Бориса Владимировича Заходера, вложенные им в клюв Мудрой Совы: “Безвозмездно – это значит даром”.

Безвозмездной вам любви, читатели! |

НЕЗНАКОМЫЙ | *вадим левин* ЗАХОДЕР

Когда я рассказываю о Борисе Владимировиче Заходере людям, которые не были с ним знакомы, меня нередко спрашивают:

– Это правда, что он был суровым и резким?

Наверно, кому-то от него доставалось. Например, редакторам, когда они, с его точки зрения, допускали брак. Он никогда не держался сановно, но не допускал, чтобы унижали его достоинство. И ни разу я не слышал, чтобы словом или поступком Борис Владимирович унизил или обидел кого-нибудь. Зато дважды или трижды, когда я передавал ему приветы от харьковчан, которым Б.В. ответил на их письма, он говорил: “А, помню. Я его ничем не обидел?”.

Не знаю, кому нужно было распускать слухи о его суровом нраве...

Конечно, он был ироничен, а порой – ехиден.

Звоню ему в день 80-летия:

– Борис Владимирович, мы вас любим.

– Да что вы, Вадим? Ах, как вы оригинальны!

Когда я прочитал “Алису” в трех номерах “Пионера” (она мне очень понравилась в пересказе Заходера) и написал Борису Владимировичу о своих впечатлениях, он откликнулся открыткой: “Дорогой Вадим, очень Вы меня побаловали к Новому году; порадовался я не только за себя, но и за Вас – Ваши суждения делают Вам честь. Как я написал ректору ун-та Айовы, приславшему мне очень любезное приглашение (на семестр в Штаты), – не надеюсь прочесть (подчеркнул Борис Владимирович. – В.Л.) столь лестных слов даже в своем некрологе. Обнимаю Вас, желаю всего, что требуется. И вообще соскучился. Галя присоединяется. Ваш Б.З.”

Мне ни разу не привелось видеть, чтоб Борис Владимирович был в дурном расположении духа. Зато при каждой нашей встрече он оказывался переполненным интереснейшими и оригинальными мыслями и охотно ими делился. Его рассуждения обладали творческой силой: они проясняли мне мои собственные замыслы, помогали увидеть по-новому привычное, заражали энергией. Возвращаясь электричкой из Болшево в Москву, я каждый раз обнаруживал, что ко мне приходят какие-то ритмы, рифмы, строки. Это были зародыши стихов, появившихся на свет благодаря встрече с Борисом Владимировичем. Но это были не его строки, не им подсказанные замыслы, не его идеи. Он никогда не навязывал свои взгляды собеседнику, внимательно прислушивался к возражениям, даже наивным.

Вообще, Борис Заходер ценил наивность.

Однажды (а точнее – 25 декабря 1981 года) размышляя о “Винни-Пухе”, он сказал:

– В этой сказке нет ни одного персонажа, которого нельзя не любить. Все они наивны. Наивность – то, что спасает героя в глазах читателя: любимый герой всех народов – дурачок. Умные люди должны быть сумасшедшими, чтобы их могли терпеть. Или должны прикидываться сумасшедшими: Дон-Кихот, Гамлет...

Каждый разговор с Борисом Владимировичем я обдумывал потом месяцами. И возвращался к его высказываниям через годы.

– Творчество – это создание нового. Но не любого, а того, которое жизнеспособно. Эпоха сопротивляется творчеству (даже если думает, что поощряет): “Уже всё есть! Места мало!”.

– Формальная новизна – это не творчество, а уловка, притворство. Формальная новизна притворяется, будто создается что-то новое. Я биолог по образованию, и для меня творчество – это создание нового содержания.

И вслед за этим, как о примере подлинного творчества, говорит о “Винни-Пухе” А.А.Милна:

– Это единственная в литературе книга, где все герои положительные. В ней создана коллекция великих характеров. Все они велики – с поправкой на наивность. У Пятачка есть идеал – храбрость. Но сам он – маленький бедный крошка. Тигра – тоже бедный птенчик. Но он так раскрывает рот, что неотразим. Все его кормят, и он всё съедает. Иа – скептик, пессимист из детских анекдотов. Всегда находит из-за чего расстроиться. Ру – оптимист. Помните, тонет в реке и говорит: “Смотрите, как я плаваю!”. Сова – ученая дура, образец рассудочности. Кенга – Мама. Кролик – великий комбинатор, интриган, который всегда сам оказывается в дурацком положении. Винни – Автор, наивный мудрец. Произведения Бориса Заходера, которые вовлекают в игру и сами кажутся игрой, которые читаются так, будто написаны без усилий, единым духом, – на самом деле результат долгих и глубоких размышлений, упорного и добросовестного труда.

Мне кажется, что те, которым выпало побывать его собеседниками, – сами тоже стали в значительной степени его произведениями. Потому что он – замечательный учитель. Он не пытался формировать нас, своих учеников, по своему образу и подобию или на свой вкус. Он открывал перед нами веер возможностей. Он открывал нам наши внутренние возможности. И мне бы очень хотелось, чтобы этому учились у него мои коллеги по педагогическому цеху.

Когда-то я попытался найти, в каком из великих характеров, нарисованных в “Винни-Пухе”, Борис Заходер изобразил себя. Сначала подумал – сам Винни: Автор, наивный мудрец. Но о Борисе Владимировиче не могу сказать, что он был наивен (если в наше время не считать наивностью доброту и абсолютную порядочность). Заходер – это особый характер, сказка о котором еще не написана. |

/Заметки детского поэта Вадима Левина о встречах с Борисом Заходером читайте в шестом номере нашего журнала

ПСИХОЛОГИЯ ФАНАТИЗМА

александр асмолов

психолог, педагог, публицист, счастливый человек.

Благодарит судьбу за то, что его учителями стали мудрые психологи XX века Алексей Николаевич Леонтьев, Александр Романович Лурия и человек неукротимой совести, немереного социального таланта, писатель Владимир Гендряков. Счастлив тем, что тридцать лет имеет возможность проповедовать психологию и культуру Достоинства студентам МГУ. Гордится тем, что причастен к повороту школ России к воспитанию свободной личности. Уверен, что переспорит Козьму Прутковку и сумеет объяснить необъяснимое, в том числе и журнал “Педология/новый век”.

Каким наш век войдет в историю? Веком физики, генетики и освоения космоса? Веком толл? Веком личностей? Веком фанатизма, геноцида, человекофобии? Веком преследований и убийств инакомыслящих, в сравнении с рациональной изоциренностью которых блеонет оеяния святейших отцов средневековой инквизиции? Не придется ли нам и детям нашим испытать на своих судьбах истину, что куда легче расщепить атом, чем преодолеть человеческие предрассудки?

Эти отнюдь не риторические вопросы требуют своего решения. Волны моральных эпидемий, национальных и религиозных конфликтов, информационных и психологических войн, страхов, убийств людей только за то, что они – иные, принадлежащие к другой нации, религии, партии или стране, на пороге тысячелетий поразившие как Россию, так и другие страны планеты, не позволяют отнестись поставленные вопросы к сфере чисто интеллектуальной гимнастики.

Я далек от того, чтобы утверждать, что Россия подошла к той черте, перешагнув которую, она превратится в страну фанатиков. Но цепь событий в последние годы ушедшего века вынуждает попытаться набросать психологический портрет фанатизма, в том числе политического. Попытаться хотя бы для того, чтобы распознать лицо этого черного гостя, когда он постарается воспользоваться тревожным межвременьем и переступить порог нашего дома.

Общество: манкурты, зомби и другие

Сознанию, возвращенному современной цивилизацией, как-то спокойнее, защитнее, когда фанатизм ассоциируется либо с легендами и мифами, либо с отдаленным прошлым, либо, если речь заходит о днях нынешних, с другими отгороженными от России материками и странами.

Фанатизм в легендах, бытующих в советской литературе, пожалуй, наиболее точно выражен легендой о манкуртах в мудро-грустном романе Чингиза Айтматова “Буранный полустанок (И долгие века длится день)”. По казахским поверьям, жестокие варвары с помощью особой мучительной операции над мозгом стирали память пленника и превращали его в живое чучело прежнего человека. “Манкурт не знал, – повествует Чингиз Айтматов, – кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери – одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом... Он был равнозначен бессловесной твари и поэтому абсолютно покорен... Порученное дело исполнял слепо... Повеление хозяина для манкурта было превыше всего”.

Когда в легенде мать отыскивает своего сына-манкурта, он по велению хозяина без колебаний пронзает ее сердце стрелой. Образ манкурта, переданный Чингизом Айтматовым, был настолько убедителен, что сошел со страниц произведения и поселился в массовом сознании. Мы стали бояться распознать манкурта в самих себе, заговорили о манкуртизации как идеологической фабрике беспамятных роботов в СССР, как правило, старательно обходя сам термин “фанатик”.

В мифах и ритуалах фанатизм порой связывается с образом “зомби”, оживающими мертвецами. Эпиграфом к яркой и, к сожалению, почти не замеченной статье Виктора Пелевина “Зомбификация” служат слова этнографа Уэйда Дэвиса, занимавшегося изучением на Гаити ритуала религии Вуду – магического убийства с последующим воскрешением жертвы и использованием ее, как и манкуртов, в качестве рабочей силы: “Зомбификация всегда казалась мне страшнейшей из судеб”.

Виктор Пелевин абсолютно точно показывает, что для совершения ритуала зомбификации нужен не только особый токсичный яд, но и особый, существующий в рамках определенной культуры психологический фон, набор социальных установок и ожиданий, специально разработанных культурных психотехнологий. С горькой иронией он описывает зомбификацию нормальных людей, которые при разборе персонального дела в комитете ВЛКСМ становились одержимыми исполнителями ритуала, утрачивали свое Я, как бы переживали кратковременную Вуду – смерть. Как и образ манкурта, образ зомби из далеких краев переселился в обыденное европейское сознание. То тут, то там приходится слышать, как слепое поведение одержимого человека или даже целых социальных групп, тех или иных политических сект сравнивают с поведением зомби. Как мы видим, символы фанатичного поведения, как бы их ни прятали в легенды или мифы, увы, все чаще становятся востребованными в нашей повседневной жизни.

Но мы продолжаем искусно защищаться от фанатизма. Фанатики поселяются, как учит школа, в прошлом, в средневековье. Там сжигают еретика Джордано Бруно, сматривают с вырывающих трепет вакханалий на полотнах Босха, Брегеля или Гойи. Или же фанатики учиняют геноцид своего народа в Кампучии, приводят к власти в Иране жесткий фундаменталистский режим аятоллы Хомейни, устраивают “культурную революцию” в маоистском Китае. Куда реже фанатиками именуют подражающих инквизиторам членов Ку-Клукс-Клана – тайной расистской организации в США с полутравковским террористическим стажем. И уже совсем редко к фанатикам причисляют гитлеровских национал-социалистов или фашистов Муссолини. Что же касается России, то даже внешне и внутренние оппоненты Советского Союза при описании советского периода российской истории предпочитают говорить о культуре личности, “красном терроре”, коммунистической империи, тоталитарном режиме, командно-административной системе, избегая характеристики тоталитарного общества как фанатичного. Ведь поставить разному обществу однозначный диагноз “фанатичное” – это куда опаснее, чем окрестить общество больным.

Назвать целое общество “фанатичным” – это значит, эзопатно, что в нем предрассудки преобладают над разумом, сувереня – над верой, эмоциональное заражение – над межличностным общением, слепое послушание – над критическим независимым мышлением, гипнотическое внушение – над знанием и пониманием, нетерпимость – над терпимостью, иррационализм – над рационализмом, радикальный консерватизм – над либерализмом, массы – над народом, демагогия – над демократией. Весь спектр этих характеристик дополняет точное определение фанатизма в “Толковом словаре живого великорусского языка” Владимира Даля, лишний раз подтверждающее мысль о языке как культурной психологии народа: “Фанатизм – изуверство; грубое упорное суевие замест веры; преследование разномыслящих именем веры. Фанатик, изувер. Фанатическое гонение”.

Почему общество страдает слепотой по отношению к проявлениям фанатизма и скорее предпочтет назвать себя больным, чем фанатичным? При каких обстоятельствах возрастает готовность к фанатизму как у отдельных людей, так у больших и малых социальных групп? Как видит современная психология профиль личности фанатика, его наиболее типичные характерологические черты?

Не рядите их в безумцы

Заметили ли вы, с какой легкостью во многих либеральных средствах массовой информации мелькали высказывания, интеллигентно касающиеся психического здоровья старого краснодарского или нового курского губернаторов? Мол, с большого что возьмешь. Где почти прямо, а где косвенно ксенофобские выступления этих возмущенных фанатиков присылали за счет аффекта, овладевшего этими персонажами нашей политической сцены. Психологические истоки беспокойства о здоровье названных политиков лежат вовсе не в заботе об их состоянии, а прежде всего в мощной психологической защите общества от подтачивающих его проявлений фанатизма, защите и самим обществом, и отдельными личностями самих себя.

Социальная технология подобного рода защиты опробована временем и весьма эффективна. Психологам хорошо известно, что когда люди навешивают обвинения в тех или иных агрессивных действиях, попытках принизить или убить другого человека только за то, что он отличен по политическим, этническим или религиозным признакам, ярлык “безумца”, “психа”, “шизофреника”, то сразу же отделяют этого неправильного человека от себя самих – правильных и добропорядочных. Мы – норма, а он – патология. Мы – правило, а он – исключение из правил. Иными словами, при встрече с фанатиком срабатывает механизм психологической защиты – “механизм отчуждения”, вследствие которого люди рядят фанатика в безумца, списывают мерзость нормы за счет патологии, пребывают в непоколебимой уверенности, что происходит – далеко за границей нормы; с ними ничего подобного не случится. Но, увы, одно из правил психологии гласит: “Люди, творящие безумства, вовсе не обязательно безумны”. И мало кто полностью застрахован от того, чтобы под давлением определенных социальных обстоятельств и травм, пережитых в своей жизни, перейти прорывный благодаря механизму отчуждения ров в сознании между человеческими идеалами и фанатичными идолами, бытовыми предрассудками личности и ксенофобией, превратиться в фанатика, человека, творящего безумие и не являющегося безумным.

Напомню, что в те самые годы, когда Марина Цветаева писала: “Германия. Безумие. Безумие творишь”, немцы не чувствовали себя безумными. Внешне фрау Мюллер, проводившая утром мужа и обнявшая своих детей, буднично занимающаяся регистрацией лиц неарийского происхождения перед отправкой в лагерь смерти, совсем не напоминает суриковскую боярыню Морозову, не воспринимается ни безумной, ни фанатичной. Впрочем, как и поголовная регистрация лиц неарийского происхождения не воспринимается самой фрау Мюллер как звено в цепи тотального политического террора. Это повседневная работа. Это порядок. И не более. В национал-социалистической Германии политический фанатизм с поразительной по историческим меркам быстротой поднялся не только до уровня официальной идеологии. В Германии политический фанатизм стал нормой общественной жизни, а тотальный политический террор – эффективным обыденным средством решения государственных задач.

Сезон фанатиков

При каких же обстоятельствах в истории наступает особый сезон? Сезон политического фанатизма. Как правило, стрелка барометра начинает, подрагивая, смещаться к этому сезону тогда, когда нарастание социально-экономической нестабильности в обществе пробуждает различные национальные и религиозные предрассудки, унаследованные исторической памятью народа и ждущие в коллективном бессознательном своего часа. В периоды социальных катаклизмов и экономических кризисов, политической и интеллектуальной конкуренции фанатичные предрассудки могут как стихийно, непреднамеренно оказывать влияние на поведение людей, так и осознанно, преднамеренно употребляться различными лидерами и политическими группами для достижения своих целей.

Порой поражаешься, сколь прямо экономическая ситуация может пробуждать самые резкие предрассудки. Американские социологи обратили внимание на тот факт, что рост количества судов Линча над неграми в период между 1882 и 1930 годами можно было с легкостью предсказывать на Юге США, если знать ежегодную цену на хлопок. Стоило цене на хлопок упасть, и количество линчеваний возрастало.

Фабрика фанатиков

В отличие от злоумышленников поневоле, в знавидной роли дегериса выступают те мечтающие о демократических свободах политики, те представители либеральных и умеренных СМЮ, тиражирующих социальные стереотипы ксенофобии, антисемитизма, фанатиков осуществляющую программу социального конструирования фанатиков осуществляют политические лидеры и идеологи различных национал-патриотических движений. Они, следуя проверенной формуле генерала ордена иезуитов “Цель оправдывает средства”, добиваются того, чтобы политический фанатизм буквально витал в воздухе. В России на полную мощь уже в течение целого ряда лет работает необъявленный антисемитский всеобуч. Такие газеты, как “Завтра”, “Русский порядок”, “Парламентская газета”, “Лимонка”, “Советская Россия” и т.п., всячески стараются выступить в роли коллективного Кашиповского, обильно используют социально-психологические технологии внушения, эмоционального заражения, политической демонизации, направленные на формирование образа врага в самых глубинах бессознательного личности. Чем больше обвинений в заговорах, бесовщине, думществе, направленные на формирование образа врага в самых глубинах бессознательного личности. Чем больше обвинений в заговорах, бесовщине, думществе, направленные на формирование образа врага в самых глубинах бессознательного личности.

Большинство режиссеров фабрик политического фанатизма. Идеологи радикальных национал-патриотических движений – это как раз тот случай, когда разум технично эксплуатирует предрассудки, а не предрассудки господствуют над разумом. Для них национальный экстремизм, фундаментализм, ксенофобия, политический антисемитизм выступают прежде всего как рациональные средства борьбы за власть с тем или иным политическим режимом. Любовь или ненависть к евреям, как и к “лицам кавказской национальности”, для этих политических лидеров вполне может оказаться явлением второстепенного порядка. Как стиритика, избыточное демагогия (подчеркну, что демагогия здесь – не негативная характеристика, а обозначение политического стиля общения) проявить симпатию к РНЕ (как это сделал мэр Ставрополя) или стать рьяным борцом с сионизмом (как губернатор Краснодарского края), как произойдут две следующие вещи: политический антисемитизм вырастет из индивидуального предпочтения в проявлении административного антисемитизма, тем самым сделав заявку на распространение государственного антисемитизма на политической карте России; симпатия, даже нейтралитет губернатора или мэра по отношению к экстремистским националистическим движениям, откровенно шлозы для отвлечения активного фанатичного сознания у отдельных личностей и социальных групп, еще не нашедших своего места в мире и испытывающих по тем или иным причинам ущербность, комплекс неполноценности. Особенно подвержены психологическому механизму заражения фанатичными установками подростки, возраст которых не случайно называют возрастом “бури и натиска”, поиска и обретения своего Я.

Авторитарная личность:

штрихи к портрету

Все эти моменты и определяют в культуре социальный растив, в котором идет кристаллизация личности с особыми чертами характера – личности фанатика. Фанатик – это человек, у которого предрассудок превратился в стержневой мотив личности, стал жизненной программой поведения, если угодно, его миссией. Иными словами, фанатик – это раб предрассудка, ставшего монопольным мотивом личности, ключевой всепоглощающей линией жизни. Иногда личность фанатика называют вслед за такими мастерами социальной психологии и психологии личности, как Эрих Фромм и Теодор Адорно, “авторитарной личностью”.

Фанатик воспринимает себя как орудие неких высших сил. Он избран этими силами, чтобы одержать верх над инакомыслящими, которых расценивает как средоточие всех зол человечества и виновников своих личных катастроф.

Авторитарная личность отличается тревожностью, враждебностью к представителям иных этнических, религиозных и политических групп. Она склонна приписывать свою собственную жестокость и агрессию представителям этих групп, искать повсюду козлов отпущения.

Люди, относящиеся к авторитарным личностям, всегда готовы последовать за демагогами, которые, пользуясь суженностью и слепотой их сознания, направляют их ненависть на вполне осязаемые человеческие мишени, на людей иных национальностей, религий и идеологий. Весьма знаменательно то, что люди, которые, по данным социальнo-психологических опросников, были отнесены к категории авторитарных личностей, в США и на пространстве бывшего СССР обнаружили разные тенденции: в США – к антикоммунизму; в бывшем Советском Союзе – к свержению демократии и восстановлению коммунистического режима. Обе группы при разном идеологическом содержании установок объединяет приверженность к радикальным, традиционным для их обществ ценностям и склонность к подчинению различным демагогическим лидерам.

Формовка авторитарных личностей, пополняющих ряды фанатиков, начинается, казалось бы, с мелочей. Например, с использования нацистских приветствий, фашистской символики, которые влекут за собой формирование программ сознания, открывающих путь к самым жестоким агрессивным действиям. Нацистские ритуалы, как и ритуалы Вуду, лишь один из психологических инструментов овладения сознанием.

Другой распространенный прием – это восприятие жертв агрессии как “нелюдей”. Феномен оценки жертв как “нелюдей” фактически выступает как отпущение грехов за Убийство. Многие немцы во время войны не чувствовали себя причастными к катастрофе Холокоста, так как они воспринимали евреев как “нелюдей”. Такое же восприятие наблюдалось у американских солдат, учившихся расправы во Вьетнаме.

И, наконец, третье мощное психологическое орудие, провоцирующее превращение личности в норму поведения, – это “группомыслие”: демагогические лидеры принимают решение, а члены их групп, религиозных или политических сект, безропотно, как манкурты и зомби, исполняют эти решения, не чувствуя за них ответственности, к каким бы варварским последствием они ни приводили.

Вот далеко не полный перечень черт психологических механизмов и технологий, которые рождаются с помощью магии, идеологии и... той педагогики, которую во Франции прошлого века именovali “педагогикой шовинизма” (по имени созданного Флорансом французского национализма народного героя – простака, солдата-землепаша, любителя муштры, войн и сильных командиров Шовена).

Пождем ли мы плоды этих магий, идеологий и строевых педагогий, этих социальных фабрик фанатизма? Придется ли нам в очередной раз убедиться, что легче расщепить атом, чем преодолеть человеческие предрассудки. Как бы дальше ни стали разворачиваться события, надеюсь, что еще не вечер.

Человечество обучается, хотя процесс обучения идет крайне медленно. И я верю, что эффектность – эффектности страуса при встрече с фанатизмом в новом веке. |

**КАК МЫ
ВОСПИТЫВАЕМ...**

*омар годинес
художник, график, карикатурист, преподаватель, Master
of fine art с острова Свободы*

СЖИГАЮЩИЕ МОСТЫ

Ольга арестова
- кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ, один из самых любимых студентами преподавателей. Нередко ставит неожиданные вопросы и находит яркие и точные ответы – и в науке, и в жизни.

Иезуиты, руками безграмотных горожан сжигающие еретиков; еретики, предпочитающие смерть отказу от собственных заблуждений. Погруженные в свои фантазии строители утопического социализма; обгаренные чужой кровью носители национальной идеи. Футбольные болельщики всех цветов и мастей, оставляющие за собой руины; крепкие юноши в клетчатых брюках, взявшие на себя ответственность за соблюдение общественного порядка и нравственности, и благонравные домашние накопители, добровольно голодающие на тюках с накопленным “для будущего” добром. Это и милые юноши и девушки, продающие творения Рона Хаббарда безработным и пожилым домохозяйкам в электричке; и упоенные собственным величием политики, вообразившие себя средоточием мировой истории. Руководители многочисленных сект, недогнувшей рукой разливающие яд своим “братьям и сестрам”, и работоголики, жертвующие всем во имя достижения результата. Это и чемпионы, любующиеся с инвалидного кресла на олимпийские медали... Бесконечна и разнообразна череда ликов фанатизма.

При всем разнообразии эти персонажи принадлежат единому по своей внутренней психологической сути и структурно-личностным свойствам классу. Чтобы попасть в него и уже затем персонифицироваться в “политика”, “националиста”, “саентолога” или “успешного бизнесмена”, человек должен обладать вполне определенными личностно-психологическими особенностями. Иными словами, стать фанатиком может не всякий, аналогично тому, как не всякий может стать алкоголиком, политиком, психологом. Каждая стезя требует своей психологической структуры личности.

Склонность к образованию сверхценных идей – главное свойство фанатичной личности. Абсолютное господство, доминирование одного мотива обычно связано с ведущим видом деятельности, основными жизненными отношениями. Фанатик, одержимый движением к достижению своего сверхмотива, обесценивает все промежуточные события своей жизни, относится к ним как к препятствиям (либо удачам) по отношению к главному мотиву. Самостоятельная ценность жизненных событий ускользает, обедняя и обескровливая процесс личностного развития. Оно сменяется линейным движением по направлению, определяемому ведущим мотивом. Люди и события становятся лишь факторами, которые могут повлиять на скорость этого движения. Мотивационный же “маршрут” фанатика – величина раз и навсегда определенная, предначертанная.

Свое “бегство в идею” фанатик часто объясняет либо ее сверхценностью, либо собственной избранностью, апеллирует к высшим соображениям или даже силам. Дискредитация его ведущего мотива становится личностной трагедией фанатика. Этот кризисный для любого человека момент жизни для него превращается в катастрофу, ведь подобно древнему полководцу он сжег за собой все мосты, отрезал все “боковые” жизненные связи и остался один на один с мотивационной бездной. История и литература дают немало примеров жизненной трагедии фанатичной личности, связанной с крушением единственного ведущего мотива.

Фанатику не свойственны мучительные колебания мыслящей личности, внутренние споры, осмысление сложности и внутренней противоречивости мира. Он не решает, а знает. Не взвешивает, а видит. Не дифференцирует, а генерализует. Основные свойства его мышления: догматизм, абсолютное господство собственной точки зрения, нечувствительность к противоречиям, смысловая и целевая ригидность. В мышлении фанатичной личности нарушается баланс устойчивых и динамических составляющих. Динамические моменты мыслительного процесса угнетены, стабилизирующие – гипертрофированы. В результате мышление приобретает жесткий, ригидный характер, проявляет волюнтаризм по отношению к фактам объективного мира, своеволие и тенденциозность в подборе подтверждающих или опровергающих основную идею фактов.

Групповой фанатизм выражается в доминировании групповых представлений и ценностей над индивидуальными, личными. Человек становится не критичным по отношению к собственной группе (мы) и агрессивным по отношению к внешнему миру (не-мы). На фоне свойств, демонстрирующих или символизирующих принадлежность к группе, происходит деперсонализация человека – он утрачивает индивидуальные черты. Средствами такой деперсонализации становятся многочисленные ритуалы, единая форма, специально изобретаемая иерархия отношений в группе. С этой точки зрения, групповой фанатизм, основываясь на примате групповых представлений над индивидуальными, предстает как проявление свойств примитивного сознания, связанного с абсолютным доминированием коллективных (групповых) воззрений.

Меняется ощущение времени. Прошлое мифологизируется. Настоящее – обесценивается и игнорируется, фанатик воспринимает его лишь как средство достижения своей заветной цели. Но самые интересные превращения в сознании фанатичной личности претерпевает будущее. Большинство фанатиков декларативно живут ради будущего, которое представляется им чрезвычайно смутным (вспомним незабываемое пожелание булгаковского Шарикова “Ну, желаю, чтобы все...”). Оно обычно лежит за временными пределами продолжительности их собственной жизни, по большей части это неизвестно чье будущее – оно абстрагировано от судеб отдельных людей (фанатик может ссылаться, например, на судьбы “наших детей”, хотя никаких детей у него нет). Картина заветного будущего по большей части имеет фантастически-эклетический характер и представляет произвольное соединение часто взаимно противоречивых свойств. Фанатичная личность живет будущим потому, что не может жить настоящим. Будущее же представляет собой экспансию известного, неизменного, понятного, не угрожающего никакими сюрпризами прошлого. Но увлеченность будущим декларативна. За ней фанатичная личность скрывает неприятие этого будущего, страх перемен и непредсказуемости жизненного пути. Именно страх будущего придает специфические черты временной перспективе: прошлое мифологически искажается; настоящее – брезгливо отвергается, а будущее – инфантильно абстрагируется.

Поведение и психика фанатичной личности – котел страстей, даже если они и не проявляют себя в экспрессивной форме. Причина страстности фанатика – результат подавления множества мотивов ради одного-единственного. Фанатичная личность упорно ставит цели и настойчиво добивается своего, преодолевая препятствия и демонстрируя чудеса самоограничения. Фанатичное поведение – это почти всегда волевое поведение. Воля делает человека способным совершать действия, необходимость и даже желательность которых им непосредственно не переживается. У фанатичной личности эта способность доведена до абсурда. Между мотивами и целями действий фанатиков нет смысловой связи.

Их эмоции становятся непонятны окружающим людям. Необходимая для фанатичного стиля жизни жесткость приобретается ценой безвозвратной утраты способности к открытости миру, свободному развитию, бескорыстному переживанию. Первой жертвой фанатизма становится сама личность фанатика.

Исходный страх движения, развития, страх неопределенного, негарантированного будущего пути прячется за окаменелыми построениями фанатичной личности. Для фанатика многообразие, динамичность, непредсказуемость – наиболее нетерпимые свойства окружающего мира. Страх перед миром внешним и собственным внутренним становится ведущим мотивом такой личности. От текучести и неопределенности окружающего мира и самого себя в нем он прячется в бетонированную скорлупу предрассудков и стереотипов. Фанатичная личность боится жизни и тщетно прикрывается от нее фиговым листком своих внутренних построений. |

ПОД ЗАЩИТОЙ ДВОРА

*Ирина прусс
Журналистка Ирина Прусс работает в научной публицистике. Всегда стремилась получать полезные сведения, используя служебное положение. Взросление дочери сопровождала статьями о психологии: младенцев – дошкольников – школьников, что завершилось созданием книги "Последняя победа Буратино".*

В памяти нескольких поколений дворовое сообщество остается своеобразным символом дружеского, теплого сосуществования. И дело не только в том, что прежде, когда мы были молоды, и вода была мокрее, и солнце светило ярче, – хотя, разумеется, и это придает воспоминаниям сентиментально ностальгическую окраску. Важнее другое: дворовое сообщество было социально, культурно, психологически функционально в той, прожитой и пережитой нами системе отношений людей друг с другом, с государством, отношений между поколениями. Возможно, часть этих функций до сих пор не выполняется никем и ничем... Именно так считает кандидат психологических наук Надежда Юдашина.

Замкнутый контур

– Современная архитектура мегаполиса вообще не предполагает замкнутого пространства, подобного тому, которое раньше и составляло двор. В современных дворах невозможно оставить маленького ребенка ни на минуту – прежде всего из-за машин, которые могут вывернуть отсюда угодно, для них-то как раз все условия созданы.

– Земля в мегаполисе дорога, ничего не подделаешь, – пытаюсь опонировать я, выросшая на асфальте крупных городов и не испытывающая никакой ностальгии по отношению к двору. – В деревне или на даче с природой общаться проще, потому туда на лето детей и увозят. А восстановить прежние сарайчики, поленички и прочую благодать можно, только если отказаться от водопровода, канализации и центрального отопления – хотите?

– Не хочу. Но не хочу и чтобы детей выгнели машины. Ребенок должен чувствовать себя защищенным не только за дверью собственной квартиры, не только у мамыной юбки. Двор был нашей защитой, а теперь он – источник опасностей.

Ощущение защищенности, конечно, создавал не только замкнутый контур двора – тем более, что не так уж он был замкнут и никто лучше детей не знал, где в заборе доска отодвигается, как проникнуть на соседнюю улицу, минуя ворота, и куда выводит черный ход. Защиту гарантировала принадлежность дворовому сообществу: за тобой присмотрят, когда мама с папой на работе, тебя не тронут мальчишки с соседнего двора, но и ты сходишь в блочную за хлебом для инвалида, который живет в твоём доме, и сама присмотришь за теми, кто меньше и слабее тебя...

– Идиллическая картина... Разве ваши родители, как и все другие, не боялись плохого влияния улицы? Не стремились занять вас чем-нибудь, чтобы забрать со двора?

– Стремилась, насколько я понимаю, именно с этой целью купила мне пианино: надежд на мою музыкальную карьеру не было и быть не могло. Ну и что? Кто сказал, что они были правы?

– А кто сказал, что нет? В вашем доме не было пьяниц? Не ругались матом? Не было уголовников?

– Да нет, пили, конечно, но зато не было наркотиков; матом, между прочим, при детях не ругались, по крайней мере, старались не ругаться. Уголовники, разумеется, были, жили прямо в нашем доме – Подольск, где я росла, всегда славился своими криминальными сообществами. Но в своем доме никто из них никогда никого и ничего не тронул бы, еще и от чужих защищал. Моя мама с ними в лес по грибы ходила и ничего не боялась, хотя все прекрасно знали, какой у них промысел.

– Великолепно! Знаю, что уголовник, и прекрасно с ним общаюсь, потому что уверен, что лично мне это ничем не грозит. Даже использую в своих интересах – как защиту. И вы после этого говорите о воспитательной силе двора? Я полагаю, эта всенародная терпимость к преступникам предопределила нынешнюю криминализацию общества в гораздо большей степени, чем причины экономического. Возможно, еще важнее другое: если ваше дворовое сообщество было под сильным влиянием сообщества криминального, значит, оно строилось и жило по тем же жестким принципам: властная иерархия с маленьким паханом во главе, копией пахана большого, и никакой тебе демократии, о которой так любят лирически вспоминать авторы сентиментальных описаний старых дворов. Так это у вас было?

– До какой-то степени, может, и так, но все имеет свою оборотную сторону. Субординация во дворе, конечно, была, и помогала сохранять определенный порядок; но это была совсем другая субординация, она определялась не криминальными интересами и представлениями. Например, моя мама – преподавательница, и ее уважали за то, что она как бы культурнее других, а не богаче – богаче мы не были. И меня поэтому никогда не тронули, хотя других девочек, бывало, и били...

– Чему же вас мог научить такой двор?

– Очень многому. Мы не были брезгливы ни к животным, ни к земле, ни к пыли, они не были для нас ни грязными, ни распространителями инфекции, но лишь тем, на чем можно лежать, сидеть, в чем можно рогатся, копать, с чем можно играть... Всю дворovou зелень мы пропускали через рот; особенно вкусны были черные семена липы, а ее листья с выступающим на них медом мы сосали, не боясь грязи. Жевали на счастье пятилепестковые цветы сирени, пробовали и колочий шиповник, и горькую рябину.

– И, разумеется, никогда ничем не заболели? Первые десятилетия советской власти вчерашних крестьян упорно приучали к элементарным правилам гигиены, – доказательства того сохранились в букварях, радиопередачах и детских фильмах тех лет. Благодаря массовой атаке на антисанитарию удалось покончить с эпидемиями многих болезней и по продолжительности жизни почти догнать развитые страны. Это потом, после шестидесятых, мы снова от них отстали, но уже по другим причинам, а до того, как всех приучили постоянно мыть руки и не совать в рот что попало, бывало, что и умирали. Остальные, наверное, выросли здоровыми...

– Интерес ко всему живому и ко всему, что растет, валяется, может быть использовано если не для еды, так для игры, давали нам опыт, которого современные дети лишены. Мальчишкам обязательно надо было доказать, что они сильные, ловкие, бесстрашные; демонстрируя это друг другу, они получали стимул для физического развития куда мощнее, чем на уроках физкультуры в школе. Знаете, если придется, я смогу работать уборщицей, брезгливость не помешает.

– На даче, на садовом участке природы, свободы вполне достаточно для общения, для развития...

– Ну да, например, прикормить на лето ничью собаку или ничейного кота, а потом бросить – сколько их, бездомных, слоняется по дачным поселкам?! Убедительный оплот заботы о тех, кто меньше, слабее и от тебя зависишь. У нас этого не было. Как только во дворе появлялись на свет котятки или щенята, их вытаскивали из самых укромных мест и разбрасывали по домам. Правда, родители часто не позволяли оставлять их дома: коммунальные квартиры все-таки – но разрешали их подкармливать, строить им жилье из ящиков. Особым покровительством пользовались дворовые собаки: им давали имена, их кормили и они, как правило, сопровождали ватагу детей.

– Прежде и крылья бабочкам не обрывали?

– Мальчишки обрывали – так проявляли исследовательский инстинкт, я думаю. Но бессмысленной жестокости не было, даже когда играли в фашистов и пытали пленных, – могли сделать больно, но пленные терпели это с гордостью, как настоящие партизаны.

Во дворе друг с другом играли дети разного возраста, и это принципиально меняло их опыт. Одни получали у старших образцы поведения в типовых ситуациях, другие учились организовывать тех, кто младше, защищать их, заботиться о них. Бездарно разделять детей строго по возрасту, как это сейчас делается в детских садах: группы младшая, средняя, старшая. Детям нечему друг у друга учиться, они и не особенно интересны друг другу, полностью зациклены на единственном взрослом.

И физический, и социальный, и своеобразный эстетический опыт мы приобретали вместе, вместе вырабатывали к нему отношение, обсуждали его. Мы все то принимались свистеть в стручки акаций, то стрелять горохом из палочек бузины, то загнупали друг друга страшилками про черную руку и пяню или про банду, ворующую детей в красном, – даже родители начинали принимать всерьез эти страшилки и встречали нас из школы.

Кто-то, помню, в первом прочел повести Гоголя и вечером рассказал нам про Вия. Пянючку в собственном жутком варианте. Ни один современный фильм ужасов не смог бы конкурировать с фантазией рассказчика и произведенным на нас впечатлением. Домой мы шли вместе, держась за руки, и стволы берез казались нам привидениями. Мы утром же все бросились читать Гоголя...

А первые знакомства с проблемами пола, с сексуальной жизнью – это тоже было с кем поговорить, никто не оставался один на один, например, с первой менструацией; я была уверена, что умираешь, что вот сейчас истечешь кровью... У нас во дворе старшкласница родила – вот разговоров было! Я помню то жгучее любопытство, с которым мы на нее смотрели...

– Какой ужас! Затравили, наверное, девочку, которой и так было не сладко, и родителей ее затравили?

– Осуждали взрослые, верно, крепко осуждали, а мы в основном любопытствовали. Но знаете, вы вот говорите: затравили, затравили – конечно, ничего хорошего в этом нет, а все же нынешняя терпимость ко всему на свете, я думаю, лишает детей и подростков всяких ориентиров. Над нами, за нами постоянно был мир взрослых, которые следили за нами пристально и заинтересованно. Конечно, мы всячески стремились уклониться от их взоров, это естественно для любого подростка; но была привила, которые мы, хочешь-не хочешь, усваивали с детства и на всю жизнь, и весь дом следил за тем, чтобы мы их усвоили...

Изгнание из рая

Общение с природой, игры с детьми разного возраста, обретение разнообразных социальных навыков – все это прекрасно, но все это достижимо и вне дворового сообщества. Кажется, главное, чем оно ценно и для Надежды Юдашиной, и для многих-многих людей, думающих и чувствующих примерно так же, в двух пунктах: защита и социальный контроль.

Подчеркнем: внешний социальный контроль характерен для традиционных обществ, которые на нем, собственно, и держатся. Долине всего он сохранялся в деревнях, противоположность которых городу в этом отношении общезначима и долго была самым выразительным доказательством принадлежности деревни традиционному, а города современному миру. Как утверждают социологи, в деревне доминирует внешний контроль – не только за поведением, но и за словами, и за мыслями и чувствами каждого человека. Ты обязан делать то-то и так-то, иначе деревня тебя осудит, а значит, откажет в общении, когда она понадобится. А помощь непременно понадобится рано или поздно, и общаться с тобой не будут, и замуж тебе не возьмут, и свою дочь в твою семью не отдадут. Это и называется – внешний социальный контроль.

Ничего плохого в своде обязательных правил нет, правила эти отобраны тысячелетним крестьянским опытом: помогать погорельцам, подаять нищему, тогда-то работать, тогда-то – праздновать вместе со всеми. Но личность, если понимать под ней прежде всего способность к принятию решений в условиях выбора и готовность нести ответственность за это, в такой тесной теплоте традиционного сообщества не образуется, да в этом и потребности никакой никто не испытывает. Поступай, как деды поступали, как предки завещали, и все будет хорошо, все будет правильно. Традиция, ритуал, сакрализация опыта – вся мощь культуры брошена здесь на то, чтобы обеспечить прямое воспроизводство отобранных, оправдавших себя образцов. Одним словом, община.

В большом городе, в современной урбанизированной среде все иначе. Прямое воспроизводство вчерашнего опыта вас просто погубит, потому что сегодня он уже не адекватен изменившейся ситуации. Каждый раз вам приходится самому принимать решение, а на это способен только человек, имеющий собственные ориентиры, волю и привычку к принятию решений. Это не очень уютное существование; под пристальным присмотром родных, близких, соседей куда уютнее и спокойнее. И пока человек может себе это позволить, он уклоняется от того, чтобы стать личностью – но в современном мегаполисе он, уклонившись, обречен на проигрыш.

Растерянность, одиночество, полная потеря ориентации беспощадно описаны Глебом Успенским, наблюдавшим за вытолкнутыми в большой город крестьянами; они и спивались, и становились легкой добычей мошенников, и сами легко превращались в преступников или просто в люмпенов. Впрочем, в дальнейшем социальные психологи слегка уточнили картину: наиболее криминогенным оказывалось не первое, а второе поколение переселенцев из деревни в город. Это вполне объяснимо: человек, изменивший свою жизнь после двадцати четырех лет, уже вполне сформировался и остается носителем усвоенных в деревне ценностей; однако он не в состоянии в новых условиях переждать их детям – как не в состоянии и обеспечить им воспитание, принятое в городских семьях.

В СССР были две мощные волны переселенцев из деревень в города: в тридцатые, с началом ускоренной индустриализации, и в шестидесятые, с ослаблением крепостного права в его коммунистическом варианте. Волны эти были настолько мощны, что размывали облик старых городов, порой превращая коренных горожан в меньшинство, и акцентировали даже до верхних эшелонов власти: как утверждает известный демограф, академик Анатолий Вишневский, по мере того, как доля городского населения росла, партийная элита все больше пополнялась за счет выходцев из деревни, в некоторые периоды больше чем наполовину... В хрущевское и послехрущевское время... у власти великой страны – и на уровне высшего руководства, и на всех иных уровнях, во всех областях жизни страны стояли деклассированные маргиналы, выдвигенные из крестьян.

Очевидно, измена между двумя волнами миграции и сложилось дворовое сообщество – особая форма перехода от деревенской жизни к городской, своеобразный буфер между ними, реакция фрустрированного общества на насильственное выдворение из привычной социальности.

В отличие от многих других форм коллективности, эта не была создана государством и потому обладала многими симпатичными чертами естественного произрастания. Социальный контроль двора за поведением жителей не был и не мог быть таким же жестким, как в деревне, околица которой была границей обжитого пространства, а выдворение за нее остракизм общины воспринималось – да и было! – со смешным приговором. Но внешний социальный контроль во дворе городского дома сохранился, упорядочивая быт и обозначая рамки правильного поведения. И без зова ходили в гости (такая картинка сегодня кого-то может привлечь в социологию), и следили, чтобы дни рождения и похороны соответствовали обряду, и играли на гармошке, плясали, пели частушки прямо во дворе, если погода позволяла, и угрозы сплетен удерживали кого-то от хотя бы демонстративного нарушения приличий, и подбирали пьяных, и присматривали за маленькими – помните знаменитое райкинское: кто-то стукнет, кто-то проследит, кто поед, кто-то нос вытрет, пока мамка на работе... Только райкинский монолог был настолько лишен сентиментального умиления этой окружающей соседней помощью друг другу – он про то, что ребенку нужна мама, и никакой двор (как и никакой детский сад) ее не заменит.

Большевики, конечно, пытались поставить двор на службу идеологии и интересам общенародного государства, как пытались сделать это и с гораздо более специфичной для нас формой общности – коммунальными квартирами: возмужели дворовые комитеты и Швондер во главе. Но уплотнения всех помещений вплоть до полного их уничтожения партия, кажется, махнула рукой и на двор, и на коммуналки и полностью переключилась на самый важный для нее тип сообщества – трудовой коллектив. Двор же так и остался естественной формой приспособления вчерашних крестьян к городу, их выживания в новых условиях.

Если только заменить понятие двор более широким понятием соседство, легко соответствие ему во всех промышленных развитых странах все на той же стадии превращения крестьян в горожан. В одноэтажной Америке соседское комьюнити мыслилось не дворами, а улицами, кварталами; в двадцатые-тридцатые годы в крупных американских городах это были итальянские кварталы, что зафиксировано навечно Голливудом. Теперь итальянские кварталы – одни из самых респектабельных, там не сидят на улицах, не перекиваются из окна в окно, не дерутся, охраняя свою территорию – теперь все эти картинки можно наблюдать в мексиканских, пуэрториканских кварталах. Что также зафиксировано тем же Голливудом

В моем дворе давно не поют частушки, а недавно убрели скамейки, стоявшие прежде у подъездов. Говорят, это сделали, чтобы не плодить пьяниц, но, кажется, больше всего выиграли от нового мероприятия борьбе с алкоголизмом подростки: им не надо теперь прощмыгивать как можно незаметнее мимо старушек, исправно до самого последнего времени осуществлявших социальный контроль за их поведением, – хотя это давно никому не нужно. Соседство из формы общей жизни (общегития) постепенно превратилось в сеть сегментных отношений: ты мне лужицу – я тебе соль, и никаких осуждений частной жизни, никакого, боже упаси, вторжения в частную сферу. Ну, разве что маломом отметить новую шубу девицы с третьего этажа, откуда только деньги берутся у таких молодых – впрочем, ясно, откуда они берутся у таких молоденьких... Чем, собственно, двор прежде мог защитить человека, откуда это настойчивое воспоминание о чувстве защищенности?

Физиическая защита от возможного нападения хулиганов из другого двора вряд ли была определяющей. Важнее было чувство принадлежности к определенной группе, будь это ватага детей и подростков или взрослое сообщество людей, неравнодушных к твоим делам и бедам, готовых прийти на помощь и требующих в ответ той же заинтересованности и готовности. А главное – это было расплывчатое ответственности за принятие решений: ведь его принимали коллективно. Это была защита от неизбежности выбора, защита от требований города быстро решать и брать на себя всю полноту ответственности. Это как расширение семьи до совсем уж далеких родственников.

Современная семья, как правило, не терпит вмешательства даже близких родственников, потому и стремится во что бы то ни стало жить отдельно от родителей и жены, и мужа – вмешательства соседней она тем более не потерпит. Как и незваных гостей...

Человек человеку – сосед

Сегодня на наших глазах – и с нашим участием – история будто бы повторяется. Советская власть пыталась построить нашу жизнь по принципу большой патриархальной семьи: ты делай, что тебе скажут, а об остальном не беспокойся, на то есть начальство, чтобы беспокоиться и принимать за тебя решения. Безвременно погибший талантливый исследователь Сергей Шведов, анализируя буквари тридцатых годов, пришел именно к такому мнению: школьникам сзмьзалства навязывался образ Сталина-отца, не только большого любителя детей, но и главного их защитника.

Патерналистское отношение государства к своим подданным многим сегодня представляется главной ценностью той, прошлой жизни. Социологи давно заметили: не настолько уж мы стали хуже жить материально за девятые-десять годов, как об этом говорится, и не с падением материального уровня жизни связана тревога и депрессия определенно. Они от потомки чувства защищенности и принадлежности к чему-то общему, чему-то оплотному и значимому.

Страх перед капиталистическими джунглями, в которых, как известно, человек человеку – волк, испытывают далеко не только наши соотраждане. Взвзвирнувший поддержку, прежде всего на уровне семьи, продолжает играть большую роль. Утверждают социологи Ханс Петер Хаарланд и Ханс Йоахим Ниссен, сравнивавшие отношение к демократии и рыночной экономике в современных Польше, Чехии, Венгрии и России. Правда, 69 процентов чехов и 75 процентов россиян отметили, что готовность населения прийти на помощь (в сравнении с прежними временами) ослабла...

Население реформирующихся стран чувствует себя по прошествии десяти лет демократических перемен и рыночной экономики незащищенным вследствие множества системных нововведений. Социальной защищенности поэтому отводится абсолютный приоритет на всех уровнях... Во всех обследованных странах вырос страх перед преступностью. В своей профессиональной деятельности люди, живущие в странах, где идут реформы, отдают предпочтение сегодня пусть небольшому, но гарантированному доходу. Точно так же гарантированное рабочее место ценится выше, чем свободный выбор профессии.

Только-только успеешь обжить идеальное и урбанизированное пространство, специфически искаженное в угоду идеологиям и унитарному централизованному управлению, люди оказались один на один с новыми проблемами – опять вырванные из привычных структур и привычных отношений. Старые формы социальности, выживавшие в условиях (расходуя минимум энергии и получая максимум возможных благ) при социализме, неадекватны новым условиям: даже трудовые коллективы, главная из таких форм, как выяснилось, не в состоянии защитить своих.

Между тем слухи о свирепом индивидуализме жителя капиталистических джунглей, как выясняется при близком знакомстве с этими самыми джунглями, были очень сильно преувеличены. Более того, именно сейчас в городах Америки и Европы активно вырабатываются новые формы общегития, соответствующие гражданскому обществу и принципам самоуправления.

Со времен средневековья западный город потерял былую самостоятельность, прибранный к рукам крепнищим государством. Города во многом перестали быть городами в том старом смысле слова; они управлялись городскими чиновниками, хотя и выкореными, и люди практически не могли участвовать в принятии решений, затрагивающих их собственные интересы как жителей города.

Городское самоуправление, как становится все ячеее, даже чисто экономический выгода: это, как утверждает социолог, культуролог и архитектор Вячеслав Глазычев, снижает неизбежные социальные выплаты, дотационное бремя бюджета. Собственника жилья выгоднее имевать, чем нанIMATEЛЯ. Ассоциированных нанимателей выгоднее, чем неассоциированных. В Вашингтоне за приснацировать примерно лет само явление так называемых согласовательных советов, как считают эксперты, улучшило качество инвестиционных проектов на 10-12 процентов. Наконец, в социальном плане: образование социальных связей, новые внепрофессиональные возможности для самореализации улучшают здоровье, социальный климат, уменьшают преступность. Соответственно уменьшается и нагрузка на бюджет. Так что это выгодно. Не от любви делают власть с сообществом и теряя его...

Городское сообщество организуется по-разному. В Америке это прежде всего знакомое нам соседство. В Европе граждан объединяют всякие клубы: филателистов, любителей собак или кино, родственников больных раком, а вот соседа по лестничной клетке в Европе могут не знать годами.

Но даже когда речь идет о соседстве – аналогии с нашим былым дворовым сообществом могут быть лишь поверхностными (если не говорить, конечно, о соседстве недавних выходцев из деревни). Злесь вам предлагать помощь, не надо пытаться управлять вашим поведением. А скорее всего вам предложат принять участие в неких действиях, которые могут способствовать благу вашему и ваших соседей, – будь то движение за охрану окружающей среды, сохранение старых зданий, создание любительского театра для детей или просто украшение местного клуба к очередному празднику. Конечно, это основа для взаимовыгодных отношений – что тем не менее совсем не отменяет отношений просто теплых и дружеских.

Мои друзья, русские по происхождению, жили в Сан-Франциско в полной уверенности, что соседи-американцы полностью чужие им люди, ничего о них не знают, и сами о своих соседях ничего не знали. Так и шло до тех пор, пока Яна не оправила рожа: возмращались они с ребенком на руках через коридор соседней, каждый из которых считал нужным поздравить их и подарить какую-нибудь мелочь, угостить пирогом, предложить помощь. Они были несказанно удивлены и очень тронуты.

Нам предстоит – не освоить, нет – создать новую социальность, которая поможет нам выжить...

Гуляя с внуком во дворе, я обратила внимание на стайку подростков, играющих в мяч; на девочку, старательно закапывающую свой секрет, – цветное стеклышко; на молодую мамашу с двумя колясками – вторая мама, очевидно, побегала в магазин. Я отлепился везу на какую-нибудь секунду – и автомобилем, проехав рядом с ребенком, обдал его грязью. Как говорила Надежда Юдашина: “Не хочу, чтобы детей выгнели машины”. А что, она права. Надо поговорить об этом с жильцами нашего дома... |

ЧЕГО МЫ БОИМСЯ...

алексей баталов

Потеря интереса к жизни – самая большая опасность нашего времени. Я преподаю во ВГИКе, и мои студенты очень разные люди. Среди них есть и серьезные, работоспособные девушки и ребята, и те, кого жизнь уже снесла, кто уже в годы юности потерял ее смысл, стал зависим от наркотиков или просто бессмысленно проводит время, живет одним днем, без интересов и планов на будущее. Им не на что опереться в жизни. Они теряют себя, не успевая обрести.

Пока ребенок растет рядом с нами, его нужно максимально заинтересовать жизнью. Очень важно, чтобы родители окружали детей добрыми людьми, находили для них старших друзей, которые своими поступками и без нравоучений помогали ребенку делать верный выбор в сложных ситуациях. Хотя, если детство и юность проходят среди людей, чья жизнь не может научить хорошему, трудно построить и свой жизненный путь.

Я умею воспитывать только так, как воспитывали меня самого мои родители и старшие родные. А воспитывали они исключительно своим примером. Совершая поступки, учили меня, как поступать в жизни. У моих родных не было возможности испытывать на мне воспитательные системы: детство пришлось на войну, мама оказалась с нами, тремя детьми, в далекой чужой деревне. У нее была главная задача: накормить и одеть. Меня воспитывала сама реальность того времени: в эвакуации я узнал совершенно другую жизнь, какой в Москве никогда бы и ни за что не увидел, не понял.

Конечно, сейчас другое время, и реальность другая, но люди все те же. Посудите сами: если бы люди хоть как-то менялись за сотни лет, нас бы не интересовали ни Шекспир, ни Петрарка. А ведь нам интересны именно их взгляды на жизнь. Я уверен, что соотношение хороших и плохих людей в мире не меняется. И сегодняшняя молодежь – это та же молодежь.

...Как бы ни старались родители повлиять на судьбу, человек вправе выбирать, как ему жить. Но очень важно, чтобы было из чего выбирать в той среде, которая его окружает, в обществе, в котором он живет. Если вокруг абсолютное свинство, вы не найдете в нем жирафа. Потому что его там просто не может быть. |

КОНЕЦ ДЕТСТВА

анатолий берштейн

– 48 лет. Педагог, журналист, автор книг “Школьный блюз. Автопортрет на фоне профессии”, “Оставайтесь после уроков”.

Проблема первой драки, первой крови, преодоление страха ударить человека по лицу... Как помочь мальчику стать мужчиной?

Одно из самых сильных воспоминаний детства – первый удар кулаком в лицо. Мне тогда было лет одиннадцать. В расчет не шли толкания в детском саду, сражения на мечях на крышах гаражей и всевозможная возня после школы, которую мы считали борьбой. В настоящем смысле слова дракой они не были. Ни я, ни меня никто по физиономии еще не бил.

Дело было в пионерском лагере. В пятом отряде я и Коля Разгуляев были лидерами: мы, пожалуй, были сильнее других и лучше всех играли в футбол, бегали, прыгали и кидали мяч, уступая только в шахматы и шашки Марку Школьнику. Наши кровати в спальне стояли рядом, и мы считались друзьями-соперниками. И вот как-то во время очередной возни с боем на подушках, когда мы уже изрядно друг друга отмузузили, схватились мы с Разгуляев врукопашную. Стали бороться. Ну, я его зажал, то есть обхватил шею двумя руками и стал давить, пригибая голову к кровати. Я явно побеждал и упивался своей победой. Не имея возможности вырваться, Разгуляй неожиданно снизу ударил меня кулаком в лицо. Настоящий удар получился, совсем не понарошку. Злой, по-мужски. Я опешил и тут же освободил его шею.

Сам я тогда совершенно растерялся (мой первый удар человека по лицу будет еще не скоро) и растерял сразу все свое лидерство – вожак остался один – Разгуляев. Но, пожалуй, главное следствие было значительно серьезнее: я потерял иллюзии. Жизнь приобрела другие, реалистические очертания. Не то чтобы она стала хуже, она стала другой. Я понял, что, оказывается, в этой жизни есть и удары кулаком в лицо. И, может быть, именно с первым таким ударом закончилось мое по-настоящему розовое детство.

Много лет спустя, когда уже был учителем, и приходилось выслушивать просьбы мальчиков научить их драться или исповеди родителей, о том как тяжело переживают унижения их дети из-за того, что не смогли дать сдачи, оказать сопротивление, повести себя достойно, я вспоминал не этот случай, а куда более стыдное из своего детства. Вспоминал, как убеждал себя, что глупо связываться с хулиганом Зямой, когда он фамильярно обнимая меня, откровенно и нагло воровал шариковую ручку из верхнего накладного кармана моей куртки. Я не замечал этого, потому что он старше, намного сильнее и отъявленная шпана. Приучался к мысли, что нормально “делать ноги”, если противник превосходит тебя силой, умением или численностью. И внушал себе, что боюсь не за себя, а за него, моего противника: мол нанесу ему непоправимую травму – ударю, а он упадет, ударится головой об асфальт и... Чего только не придумает в оправдание своей банальной трусости изощренный ум.

У Александра Кронина есть такая повесть – “Юные годы”. В ней рассказывается об ирландском мальчике, попавшем в английскую школу. Мальчик был маленького роста, щуплый и не мог противостоять издевательствам одноклассников. Он все время жаловался на них дедушке, в доме которого жил, но тот ничего не предпринимал, а только всегда советовал одно и то же: ты должен драться, притом не просто драться, а с самым сильным в классе. Наконец, мальчик согласился, чтобы дедушка учил его боксу. И вот время пришло. Дополнительную трудность составляло то обстоятельство, что именно к самому сильному однокласснику он даже испытывал что-то вроде симпатии, потому что тот как раз и не приставал к нему. И все же он вызвал прилюдно его на драку, хорошенько получил в ней и сам, но с тех пор отношение к нему в классе изменилось, а со своим невольным противником они стали друзьями.

Работая в школе, я давал эту книжку читать тем, кто, как мне казалось, в ней нуждался. Был ли от этого эффект или нет – не знаю. Но я пытался что-то сделать для таких же подростков, каким был сам, понимая, что порой одному не справиться.

Проблема первой драки, первой крови, преодоление страха ударить человека по лицу... Как помочь мальчику стать мужчиной? Просто помогать, а не забывать и не отстраняться.

Как правило, в ответ на жалобу детей о том, что их обижают, родители советуют либо “дай сдачи”, либо “отойди от нехорошего мальчика”. Второй совет мне кажется сомнительным. Пусть он не дает сдачи, но и не отходит. Важно ведь в конце концов не умение драться, а мужество не струсить, мужество не отвести глаза в сторону. (Известно, что собаки плотный, пристальный взгляд, обращенный на них, считают признаком агрессии, вызовом. Впрочем, как и люди. “Ну, что выпятился?!” – нередкие слова в подобной ситуации. Те же, кто наблюдал кошек, знают, что те могут долго, долго стоять друг против друга, угрожать, шипеть, выгибать спину, но в глаза не смотрят, а куда-то в бок – в кусты.) Побеждает же тот, кто способен глядеть прямо в глаза.

И не надо бояться защищать своих детей. “Пусть сам научится за себя постоять” – это не метод. Не все способны выплыть, если их, не умеющих плавать, бросят в воду. Надо помогать. Надо встать рядом, если зло сильнее.

Часто родители недоумевают: что делать, если к ребенку постоянно пристают превосходящие силой противники, и он, естественно, не может с ними справиться? Вступитесь за него. Вмешательство вовсе не означает, что вы должны вместо него драться. Но прийти в школу, выйти во двор, пройтись с сыном по подворотне, показаться вы должны. Он не один, в случае чего у него есть защита – вот практический смысл вашего маневра. И пусть внешне ваш ребенок будет стесняться вашего присутствия и даже отговаривать вас, в действительности он будет гордиться и чувствовать, что вы поступили справедливо. А вот если по разным соображениям оставите его один на один в неравной борьбе, он будет думать, что вы к нему равнодушны или попросту сами трусили. Что же касается всевозможных секций бокса и карате, они скорее полезны, чем наоборот. Другое дело, что побеждает тот, кто не отводит глаз.

Как я обижался на моего отца, что он ни разу по-настоящему не защитил меня: у него не было времени, и он не знал, что я нуждаюсь в помощи. Как я обижался на него за то, что он не воспитывал меня. Не давал того, так необходимого, “пинка”, когда сам не можешь на что-то решиться, что-то сделать, и нужно чтобы кто-нибудь подтолкнул, но и страховал тоже. “Только бездушным непониманием юношества можно объяснить представление, будто молодежь жаждет свободы, – писал Томас Манн, – в душе она страшно жаждет послушания”. Она боится свободы, как темной комнаты, и просит не оставлять ее одну.

Чтобы быть настоящим воспитателем нужно иметь все то же мужество. Оно необходимо, чтобы, преодолевая страх, выпускать ребенка во двор и отпускать в летние лагеря и туристические походы; чтобы не запаниковать от его разбитых губ и коленок, чтобы доверять и не вмешиваться и вмешаться, когда потребуется, не испугавшись взять на себя ответственность за последствия, и особое мужество, чтобы отпустить, когда придет время.

В нашем измайловском доме были большие “общезитские” коридоры, вдоль которых располагались квартиры. Да и жили мы все как в одной большой коммунальной квартире. Именно там в общем коридоре нашего дома я впервые стал драться. Точнее, раздобыв где-то пару боксерских перчаток, мы устраивали кулачные бои и боксерские турниры. Музузили друг друга без снисхождения. Сначала я стеснялся бить правой, только левой, как бы сдерживая порыв противника. Правой было очень трудно: это уже не оборона, это атака, агрессия, удар на поражение. Еще оказалось, что ударить по лицу не голой рукой, а одетой (в данном случае в боксерскую перчатку) намного удобнее. Не так страшно. Не чувствуешь удара. Нет этого жесткого, жуткого, холодного прикосновения, точнее столкновения одной кости в человеческой коже с другой, чужой. Еще очень долго после этих коридорных боев я натягивал перчатки всякий раз, когда чувствовал, предчувствовал опасность в какой-нибудь подворотне, на пустынной улице... Может быть, смешно, но я долго не любил лето, потому что в случае чего пришлось бы драться голыми руками, а вот зимой как-то даже успокаивался.

Однажды – мне тогда было лет тринадцать – пристал ко мне во дворе Витька-Китаец. Витьке было лет шестнадцать, жил он в моем же подъезде и был отпетым хулиганом. Я в шутку встал в боксерскую позицию, и мы начали обмениваться ударами. Только уже голыми руками. В какой-то момент, “заигравшись”, я ударил Китайца по лицу: плотно ударил, “по зубам”. И страшно испугался. Витька же сначала закрыл рот руками, а потом стал смачно отплевываться кровью. Я начал извиняться, но он снисходительно махнул рукой и пошел домой. С первого до последнего пятого этажа, где он жил, на лестнице остались вишневые капли его крови. И очень долго потом не стирались. И всякий раз, поднимаясь домой, я видел эти пятнышки чужой, пущенной мною крови. И всякий раз. Наоборот, гордость переполняла меня, хотелось останавливать всех проходящих и объявлять им о своем соавторстве на эту кровь. Ведь это было доказательством моей “первой крови”, моего первого, пусть случайного удара по лицу, моей первой неожиданной победы над собой. |

Этот материал написан в ответ на письмо десятиклассника Иосифа Фурмана, опубликованное в четвертом номере журнала.

КАК МЫ БЛАГОДАРИМ ДРУГ ДРУГА

светлана кривцова

– кандидат психологических наук, научный руководитель
центра социально-психологической адаптации “Генезис”.

В первых номерах нашего журнала мы писали о важном умении: просить, слушать, отказывать, спрашивать разрешение. Сегодня разговор о благодарности. Как и прежде, мы попробуем пройти путь от того как выглядит наше умение благодарить, какие чувства оно вызывает у других людей и что мы сами при этом чувствуем и попробуем пойти дальше, понять как мы обращаемся с тем, что дается нам судьбой, что делаем мы со своей жизнью.

Умение благодарить особенное. Казалось бы, что проще – любой учебник хороших манер рекомендует в ответ на проявленное участие, помощь или полученный подарок говорить: “Благодарю вас”, “Как любезно с вашей стороны...”, “Спасибо!”. Однако время от времени мы замечаем, что этот незатейливый навык да и сама готовность благодарить куда-то исчезают. У нас просто не получается открыть рот и сказать: “Спасибо!” или наши слова превращаются в формальное бурчание, в многословные тексты, в которых чем больше слов, тем меньше нас самих.

И небудничная этимология самого этого “спасибо” – от фундаментального “Спаси, Бог!” как бы намекает, что речь идет не о простом правиле вежливости, но о чем-то гораздо более важном, основополагающем. Это чувство называют чувством благодарности к жизни. Без него слова благодарности звучат неискренне и формально. Когда же оно есть – слова, по сути, и не нужны, порой достаточно взгляда, улыбки, касания руки. Понаблюдаем за собой.

Восьмиклассник, один из “незабываемых” учеников своей школы, хулиган, но не из самых отпетых, сегодня вызвался принять участие в уборке школы.

– Ваня, бери мальчиков из шестого “А” и иди с ними на третий этаж. Уберешь, доложишь.

Вроде пошел, за время уборки пару раз спускался со словами: “Тамара Павловна, они меня не слушают...”.

– Справишься, Ваня, не верю, что ты не способен удержать команду от бунта!

Наконец, пришел, говорит: “Все, закончили, идите принимать работу”. И в самом деле, если не придирается, неплохо убрали этаж. Я довольна. И вот тут, когда пришла пора благодарить (дикий вариант по типу: “А...убрали? Ну хорошо, идите домой” – не поворачивая голову в их сторону – я даже не рассматриваю), когда он стоит и ждет, я вдруг слышу, какие слова говорю своему ученику.

“Ваня, посмотри, как хорошо можешь убирать, почему же у тебя “двойка” в четверти по труду?”

“Отлично справился, на тебя можно, оказывается, положиться, я надеюсь, ты теперь всегда будешь мне помогать, а?”

“Молодец, сумел довести до конца почти безнадежное дело! Трудно было с шестым “А”?” “Спасибо тебе за все, что ты сегодня сделал, Ваня!”.

Все варианты “благодарности” не придуманы, а взяты из школьной жизни, и все, кроме третьего, как вы догадываетесь, никуда не годятся.

Четвертый страдает неконкретностью. Неконкретное указание на то, что вызвало чувство благодарности дезориентирует ребенка и даже иногда провоцирует на ошибочные выводы.

В самом деле, Ваня сегодня много делал. Приходил жаловаться, но ведь справился! Именно это и нужно отметить обязательно, назвать за что вы благодарите ученика (например, так, как это сделано в третьем варианте).

Первый и второй варианты – неуклюжие попытки манипулирования. Вообще любые указания на прошлые или будущие обстоятельства обесценивают и его работу и ваше спасибо, напоминают “фальшивую конфетку” – разворачиваешь фантик, а там камешек. И ученику больше не хочется делать работу, он ведь так же, как и мы, чувствует неловкость и разочарование от этой “конфетки”.

“Последнее время не могу переносить ситуацию, когда я должен кого-то благодарить. Получаю подарок и чувствую, что напрягаюсь, тревога не проходит, пока не отдарю. Чем скорее, тем лучше”. Так часто говорят учителя, да и люди многих других профессий, которые сформировали у себя особую модель отношения к жизни. “Я не жду подарков от жизни”, – говорят они. – “Мне ничего не нужно даром”. Неспособность просто и естественно принимать подарки свойственна многим людям. Именно так психологически защищают себя те, кто перенес много разочарований и не разобрался в своих чувствах по этому поводу. Невысказанный гнев, обида и беспомощность остаются жить в нас в виде постоянного напряжения, которое автоматически “включается”, когда возникает ситуация благодарения, ведь она у таких людей воспринимается как угроза. Вместо радости они испытывают тревогу. Впрочем, нередко такие люди умеют дарить подарки и получают от этого удовольствие.

О базовом экзистенциальном чувстве благодарности к жизни и судьбе написано немало. В самом деле, откуда у одного человека способность оставаться открытым добру, а у другого – как будто роковой изъян – он вообще не чувствует благодарности?

Мелани Кляйн, выдающийся американский психоаналитик, в своей недавно впервые изданной в России монографии “Зависть и Благодарность” пишет о том, что эти базовые способности формируются в первые месяцы жизни ребенка и во многом зависят от того, как выстраиваются отношения младенца с матерью, материнской грудью. Спокойная, щедрая грудь позволяет легко насытиться и ощутить чувство полного удовлетворения, из которого впоследствии и рождается умение чувствовать благодарность. Тугая или ненадежная грудь с большей вероятностью порождает жадность и зависть. Зависть мешала испытать удовольствие и благодарность.

Психоаналитическая теория с успехом объясняет большинство “неизлечимых” проблем взрослой личности неудачными для младенца отношениями с матерью. “Достаточно хорошая мать” (Good enough Mother), таким образом, становится источником и обязательным условием возникновения чувства благодарности к жизни, удовлетворенности ею, какой бы эта жизнь ни являлась объективно.

Но есть и другие точки зрения на природу способности чувствовать благодарность. Так, в экзистенциальном анализе, одной из самых мощных гуманистических теорий личности, способность принимать подарки и знаки внимания предлагается рассматривать как тест на способность к принятию вообще. Если я могу это принять – я радуюсь и остаюсь спокойным. Если же я не могу это сделать – я начинаю нервничать: “Что он от меня хочет?” “Должен ли я подарить в ответ?” Но подарок – это не сделка. Истинный подарок не предполагает, что от меня чего-то ждут. Он оставляет человека свободным.

Принятие в экзистенциальном анализе – это центральный базовый процесс, описывающий то, как по большому счету человек проживает свою трудную жизнь, как обходится с “подарками” судьбы. В самом деле, хорошо ли я умею принимать, пусть не то, что принять трудно, что требует терпимости, а хорошее, красивое, приятное. Например, цветы, подаренные учителю 1-го сентября. Моя племянница, готовясь к третьему классу, все лето выращивала в моем саду “астры для Татьяны Петровны”. Сначала выхаживала рассаду, потом просто замучила домашних тревогами о том, кто будет поливать их, если она уедет на юг, справлялась о них в каждом телефонном разговоре из Ялты. Первого сентября Татьяна Петровна, посмотрев на ее букет, сказала: “Я этот мусор домой не понесу. У родителей что денег нет на нормальные цветы?”. Обесценивание – один из невротических способов отношения к подаркам жизни.

Как человек принимает подарки, так же он принимает и свои проблемы. Принять – значит разрешить этому быть в своей жизни. Не терпеть, напрягая силы, а, как говорил Виктор Франкл “сказать этому “да””. Принятие проблемы – это большая духовная работа. Если я не хочу замечать чего-то (убегаю) или хочу его уничтожить (борюсь и ненавижу), или просто оцепенел от страха – это не принятие, а работа наших защитных механизмов. Принимая, я обретаю спокойствие и силу. Силу, чтобы изменить то, что еще можно изменить и способность спокойно жить с тем, чего изменить нельзя. Все без исключения практические психологии личности строят свои системы в расчете на эту задачу – помочь человеку прийти в точку принятия. Благодарность к жизни – производная от способности принимать ее.

Три ситуации всегда требуют от нас умения благодарить. С помощью этого навыка мы подчеркиваем то, что в поведении ребенка, ученика нам хотелось бы видеть снова и снова. Благодарим за то, что он не забыл тетрадку, смотрел на доску, а не в окно, не грыз ногти и не пихал локтем свою соседку за партой. Передавшего ластик благодарим за то, что он передал ластик, а не за то, что он добрый, щедрый и великодушный...

В других случаях мы благодарим детей и коллег за цветы, внимание, добрые слова, хорошие отметки. Мы принимаем их подарки полагая, что когда человек делает нам что-то хорошее от чистого сердца, он совсем не ждет ответной благодарности. По большому счету он делает это не столько для нас, сколько для себя, утверждает своей представлением о доброте и справедливости, своей ценности. И он заслуживает нашей негроткой, но ясной признательности, чувства, которое как раз тем и сильнее, что откладывается в глубине души и возникает, чуть не сразу, но через время, когда придет ответный шаг. Если имеется в виду не это – лучше не принимать. Или сказать просто: “спасибо”, доверяя другому самому объяснить, чем для нас стал его подарок. Мы имеем право отнестись к подарку просто как к подарку.

И, наконец, третий случай. Мы постоянно работаем душой, благодаря судьбу за ученика, за свою нескучную профессиональную жизнь, за жизнь вообще...

Поставив тройку вместо очередной двойки и тем самым избавив ученика от переэкзаменовки или даже второго года, учительница не ждет аплодисментов, но ей важно услышать тихое “спасибо”. А он усмехается, глядя прямо в экзаменационный лист “Ну я пошел”. “Ты ничего не хочешь мне сказать?” – она еще продолжает надеяться. “До свидания”. В учительской она скажет чуть не плача: “Неблагодарный...”

А облагодетельствованный ученик по дороге домой будет испытывать противоречивые чувства. С одной стороны, надо было “спасибо” сказать, с другой, что она особого сделала? Чего ей это стоило? Хотя могла бы и не делать. А теперь на шею сядет, командовать начнет. А может, у нее сантехника дома полетела, она ведь знает, что мой отец по этой части? Так и не разобравшись, подросток просто махнет рукой, решив, что все, проехали. Он избавил себя от удовольствия быть благодарным, думая, что избавился от муторного чувства обязанности. Но он заблуждается... |

ЧЕГО МЫ БОИМСЯ...

светлана немоляева

Когда мой сын был маленьким, я старалась заставить его действовать так, как считаю правильным. Я была нетерпелива, слишком торопилась добиться результата. И сын выполнял мои требования – и из любви ко мне, и просто потому, что маленький, он был вынужден подчиняться.

Дети взрослеют и преподносят уроки уже нам. Мой сын вырос, стал самостоятельной взрослой личностью. У него свои взгляды, убеждения, а я порой чувствую, что теперь не могу переубедить его, не получается повлиять на некоторые его представления о жизни.

Теперь я понимаю, что ошибалась: как бы мы ни старались контролировать детей, как бы ни заставляли их поступать по нашей воле, рано или поздно мы обнаружим, что у них свой мир. Каждое десятилетие имеет свою музыку, моду, увлечения, и мы не сможем заставить их жить в нашем мире. Но очень важно научиться с самого их рождения относиться к детям как ко взрослым людям. И всякий раз, когда захочется, чтобы ребенок поступил так, как нам кажется верным, мы должны терпеливо объяснять ему, почему лучше поступить именно так. Возможно, объяснять придется долго и нужно будет размышлять вместе с ребенком, прислушиваться к его мнению. Но эффект такого воспитания будет особый, ведь наш ребенок станет понимать нас. Конечно, иногда он не может это сделать из-за отсутствия опыта или малого возраста и только тогда должно вступать в силу родительское вето.

Но основная опасность сегодня, мне кажется, не во взаимоотношениях взрослых и детей, а в самой нашей жизни. Как уберечь ребенка от негативных ее сторон, к встрече с которыми мы и сами не всегда готовы. В моем детстве самым ужасным происшествием в школе считался случай, когда закурил какой-то мальчик. За всю юность я не видела ни одной курящей девочки. Сейчас, наоборот, трудно встретить некурящую. А как защитить их от наркотиков, от насилия? Кто-то считает, что единственный способ – неустанно следить за детьми. У меня есть знакомая семья, в которой папа постоянно ездит всюду со своим сыном-подростком. Сыну нужно повеселиться? И папа едет с ним на дискотеку, ждет его. Сыну надо заниматься спортом? И папа везет его в спортивный клуб. Может быть, это тоже выход, ведь, не все опасности дети способны увидеть сами. А когда опасностей много, мы обязаны быть рядом с нашими детьми, ни на минуту не забывая о том, что они постоянно нуждаются в нашем внимании и защите. |

ПОДАРОК БЕЗ ВСЯКОГО ПОВОДА | *Татьяна бабушкина*
– клубный человек, замечательный педагог, сохранивший веру в детей и не оглядывающийся назад.

У меня подарок! Подарок для вас! Вот!

Раскрывает ладонь. На ладони... зуб.

– Он качался... А я специально докачал, чтобы он выпал. Возьмите!

Действительно, что в мире может быть чудеснее молочного зуба, который – кусочек человека живого – только что сидел во рту, а потом был изъят оттуда специально для тебя? Этот зуб – настоящее сокровище. В прежние времена для него бы сшили бархатный чехольчик и положили в шкатулочку из розового дерева – подарок...

Неудивительно: раньше – как бы поточнее определить границы этого “раньше”? Назовем его “временем наших бабушек”! Раньше подарковую культуру ценили, уважали ее права. Те времена вообще были пронизаны заботой дарения. Дарению приписывались защитные свойства. Родители дарили – передавали.

Подарок... В этом слове – запах новогодней елки, детские ожидания дня рождения, память о любимом человеке.

Корень слова – дар. Дар, предназначенный кому-то определенному: “по” – предлог направления. Но подарок – не просто предмет, предназначенный для другого. Он умножает образ дарящего. Возможно, поэтому народная традиция и не позволяла его оценивать: “Дарованному коню в зубы не смотрят!” Если подарок действительно дар, он магическим образом принимает на себя часть существа дарителя. (Поэтому и зуб – не просто зуб: он чудесным образом связан с душой, этакий “зуб души”).

Подарок втягивает тебя в судьбу другого человека – того, у которого он отныне будет жить. Подарок потому и магичен, что живет собственной таинственной жизнью и часто является тайным знаком будущей судьбы человека. Елена Образцова, рассказывая о своем военном детстве, вспоминала, что во время войны в эвакуации она, маленькая девочка четырех лет, зарабатывала на жизнь тем, что загоняла коров. За это соседи жаловали ей кто яичко, кто кусочек хлебушка. А однажды ни хлебушка, ни яичка не случилось: за работу односельчане подарили маленькой пастушке букет цветущего жасмина. Для матери это был черный день, а девочка была счастлива: в букете цветов было ее будущее.

Быть настоящим дарителем – не просто. Этот талант сродни таланту художника или поэта. Поэта, наверное, в большей степени: подарок – выстраивание предметов в своеобразную рифму мира. Это те же стихи, где рифмуются предметы и явления.

Человечество помнит немало талантливых людей – художников, поэтов, писателей. Дарителей среди них не много. Но самые трепетные и прочувствованные страницы мемуаров посвящают именно им. Таким чудесным дарителем был Максимилиан Волошин.

По словам Цветаевой, он не просто делал людям подарки, он дарил уверенность в себе и возможность жить дальше. Самой Цветаевой Волошин однажды подарил особенный вечер. Вечер, ставший незабываемым праздником света: гости съели ложечками “внутренности” дынь, и в них укрепили и зажгли свечи.

А еще был день рождения, омраченный тифом. Марина выглянула в окно и увидела Волошина, вышагивающего по направлению к ее дому в окружении трех здоровых, необычайно колоритных дворняг: Цветаева обожала собак и прикармливала разную бездомность. Это был подарок Волошина ей на тот день рождения...

Подарковая культура – особая культура. Но, чтобы войти в нее, надо овладеть ее языком – научиться принимать подарки. Взрослым это дается с большим трудом. Ужасные события случаются 24 февраля и 9 марта, когда ребенок вдруг обнаруживает в помойном ведре свои скомканные рисунки и горки пластилиновых шариков – то, что накануне было его подарком родителям. И как фальшиво потом звучит: “Лучший подарок – сделанный своими руками!”

Но дело не в руках. Дело в душе. Как-то детдомовские дети подарили мне рубашку, сплетенную из крапивы, – в память о прочитанной им сказке “Дикие лебеди”. Рубашка была без рукавов – “чтобы крылья остались”.

Вообще готовить подарки – не всегда безопасно. В этом занятии есть некоторый авантюризм, некая опасность или ее ощущение. Сплести учителю рубашку из крапивы – это угроза обжечься, покрыться пятнами и с косметической точки зрения неприятно. Но настоящий подарок рождается только от избыточности души – и это первая заповедь подарковой культуры. И ценность его определяется человеческими затратами – душевными и физическими.

В Ростове мы ждали гостей – ребят из Екатеринбурга. Нам очень хотелось их удивить. И вот мы придумали... подарить им клубничное дерево. Купили ведро клубники, нитки древесного цвета, и каждую клубничинку подвязали к веткам. Главная хитрость состояла в том, чтобы на ниточках не оставалось узелков.

И вот екатеринбуржцы прибыли, и мы, внутренне ликуя, привели их к своему клубничному дереву и сказали совершенно серьезно: “Вот вам подарок. Рвите и ешьте. У нас на юге так клубника растет”. И они – поверили, поверили все как один, невзирая на пол и возраст. (Младшему было пять лет, старшему – сорок пять, а в основном это были подростки лет пятнадцати.) Среди наших гостей был ботаник – серьезный, опытный человек. Он был удивлен, но не более. Все вместе собирали клубнику, сравнивали вкус древесной клубники с клубникой равнинной. А потом... Потом кто-то увидел узелок, случайно оставленный.

Что тут было! С чем сравнить это удивительное состояние, когда вдруг оказываешься на грани мифа и реальности: конечно, клубника на дереве не растет, но эта выросла специально для тебя. Мгновенно открывается степень усилий тех, кто это клубничное дерево вырастил. Ради того, чтобы удивить, чтобы сделать подарок. И твое счастье в этот момент умножено на чувства тех, кто дарил.

Лучше всего с подарками получается у детей. Это дано им от природы. Ребенок готов к получению подарка – от Деда Мороза, от Волшебника, от отражения в стекле, от окружающего мира, от воздуха, от природы. Это качественный признак его игровой природы.

Мальчики обменялись дохлой кошкой и вырванным зубом – и чувствуют себя “разбогатевшими”. (Большинство детей – подарочные барахольщики.) А вот привет от Мартышки – нечто странное. В нем не хватает телесности, опредмеченности. Ребенок способен самые странные вещи (половинку старой пуговицы, пустую гильзу, кусочек цветной шерсти) воспринимать как драгоценный дар. Но именно вещи, конкретные, осязаемые.

Вещи умеют говорить. Через их странности ребенок приобщается к тайне мира. Я знала Антошу, мальчика, слывшего прямо-таки человеком недоразумений. Так вот он дарил дорогим людям предметы своих несчастий – шишки, упавшие на голову, гнездо покусавших его пчел. Подарок был опредмеченной, материализованной частью его собственной жизни. Если хотите, причинностью его бытия в том виде, в котором он с ним сталкивается.

Так же, как научные идеи и художественные образы витают в воздухе, носятся в воздухе идеи подарков. Подарковой культуре свойственны чудеса. Как-то на день рождения два совершенно разных человека, не сговариваясь, подарили мне одуванчики... выращенные в горшке. Один – со словами: “Когда я смотрю на “модельянистые” шеи одуванчиков, я вспоминаю лица своих друзей”. Другой – с мыслью о том, что донести пушистый одуванчик до того, кому он предназначен, – все равно что донести до человека трепетность своего чувства. Чудесность подарка – вещь в общем-то обычная. Но всегда поражающая с новой силой. Подарок приподнимает человека, делает выше и дарителя. Поэтому так важно дарить подарки не только по праздникам, но и без всякой причины и повода. Просто так. |

В СЛАДКОМ ПЛЕНУ СТЕРЕОТИПОВ serгей плахотников – учитель русского языка и литературы московского учебно-воспитательного комплекса “Измайлово”

Старина это…”

В раннем школьном возрасте у человека формируется способность определенным образом – как все, видеть и слышать происходящее вокруг. Это видение принято называть стереотипом, и оно у каждого связано как с личными “жизненными переживаниями”, так и с общественными воззрениями на доброе и злое, представленными о разрешенном и запрещенном, с формами выражения – с тем, что в совокупности русский лингвист и философ М.М.Бахтин называет “жизненной идеологией”.

Человеческие стереотипы или, если это касается искусства, штампы, с одной стороны, защищают нас от постоянного напряжения ума, освобождают от необходимости всякий раз реагировать на возникающую ситуацию как на новую, а с другой, зачастую закрывают специфику и новизну окружающих явлений.

Как правило, школьник зажат в жесткую и однозначно толкуемую систему: режим, распорядок, дисциплинарные требования. Эта жесткость злоботворна: она организует, гарантирует защищенность, психическое и физическое благополучие. Но другое дело, когда так же жестко строится само обучение, задавая однозначность в интерпретации понятий, решений или художественных произведений, – это откладывает определенный отпечаток на формирование “жизненной идеологии” школьника. Крен в сторону однозначности результатов и толкований в преподавании питает авторитет расхожих представлений, алгоритмов и штампов. Школьник привыкает вспоминать и – угадывая – подражать; эти две способности полезны, но когда они тотальны и всеобъемлющи, то приводят к выхолащиванию мелочей и подробностей, из которых ткется жизненное полотно.

В “Путевых воспоминаниях” этнографа В.Н.Харузиной, изданных в Москве в 1890 году, приведен фрагмент разговора, возникшего после слушания крестьянами былины об Илье Муромце.

– Ай да старик, как поет… Ну уж потешил.

– Пожалуй, и сказка все это, – нерешительно проговорил один мужик. На него набросились все.

– Как сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковом князе Владимире было.

“Старина это” – веский аргумент для неискущенного слушателя. Недаром еще в прошлом веке то, что мы теперь называем былинной, валось старинной. И всем очевидно, что старина не может быть сказкой, то есть не лжет, поучая, а говорит “истинную правду”.

Как только мы попадаем во власть стереотипов, и то общаться начинаем соответствующим образом, нас могут убедить, призвав свидетелем тот или иной авторитет, припечатав тот или иной расхожий штамп. Необходимость подметить, вслушаться, понять это, обрывков фраз мы составляем некую компиляцию личного мнения и, обращая его в высказывание, выдаем за свое выстраданное. Происходящее вокруг складывается в набор ситуаций, которые стали знакомыми. Нам достаточно только взглянуть на действующих лиц, услышать первые реплики, и мы уже готовы сказать, чем все кончится. “Это очевидно”, – с легкостью говорим мы и, теряя интерес, шагаем дальше по жизни. Устойчивые бытовые ситуации складываются в вереницу поступков и слов. “А у нас тоже было похоже…” – рассказываем мы друг другу. И нам уже не столь важны реальные обстоятельства события, сколько необходимость приобщиться к канве общего разговора, а уж в пылу рассказа мы можем поступиться и рядом деталей, и контекстом.

Набор расхожих историй постоянно пересказывается друзьям и знакомым, и мы не обращаем внимания на то, что по отношению к реальным персонажам известная история превратилась в сказку. И когда говорят, мол, это все сказки, мы готовы лечь под поэту, искренне доказывая истинность рассказываемых событий, делая упор на то, что “это и так всем известно” или “мне он сам рассказал”. Узнаваемая форма рассказа оправдывает многие архаичные излишества, легкие преувеличения, велеречивые украшения и ситуационные вьететки… В компании расказывают знакомую историю, и, узнав, мы уже спешим кивнуть: мол, слышали и похлестче.

Школа – особое место, в котором с необычайной назойливостью бытуют подобные устойчивые формы, заставляющие верить безоговорочно и узнавать с лету. Расхожие истории гуляют из класса в класс, от учителя к учителю, от ученика к ученику. Моя первая учительница Ольга Ивановна, предостерегая нас об опасностях на улице, повторяла: “Лучше быть минутой трусом, чем всю жизнь – покойником”. Смысл этой поговорки с особой остротой я осознал значительно позже, когда сам начал работать в школе и познакомился с азами герменевтики, науки, помогающей толковать текст. Слова учительницы выполнили свою охраняющую задачу, но только теперь я начал понимать, что означает всю жизнь быть покойником и что к дорожному движению эти слова имеют лишь приблизительное отношение.

В пылу блужданий

Читаем в седьмом классе из знакомого Пушкина. (Я решил начать со знакомого текста, который ребята уже встречали в пятом классе.)

Расходятся по партам листочки со стихами.

Кто-то, наморщив лоб, недоверчиво бурчит. Кто-то, хитро прищурив глаза, напоминает: “Сергей Владимирович, что-то там странное было в этом стихе… Вы не помните?”

А Ляня просто и категорично выкрикивает: “Да это ж не Пушкин, это баллада!”

Начали с блужданий, которые дают возможность “обжить” текст, то есть сделать его знакомым и не пугающим. Когда ребята знают, сколько в тексте слов с тремя буквами “о” или какое предложение в нем самое длинное, им становится совсем не страшно его читать и обсуждать свои находки со сверстниками или на худой конец – с учителем. Блуждание по тексту – один из первых этапов работы с ним. Особо хорошо уделять ему больше внимания в начальной школе. Как-то у меня сложилось, что в первых трех классах начального звена блуждание превалировало на уроках (в том числе и чтения). Я им не злоупотреблял – просто возраст соответствующий, готовый подмечать, пересчитывая, просматривая, внося записи в реестры-списки.

Вот я и попросил ребят, севших по тройкам-четверкам, найти, сколько раз в тексте упоминается самое часто встречающееся слово. Мнения разделились между “семью” и “восемью”. Когда разобрались, стало понятно, что восьмое (“ворона”) – родственное.

Попросил выписать в тетрадь всех персонажей, но с условием, что полученное количество нужно указать на доске. Через пару минут в разных местах доски появились пять семерок и одна восьмерка. Сперва подивились случайности совпадения. Потом взяли за восьмерку.

Восьмерка многих возмутила. “Вы что ли третьею ворона посчитали?” – засмеялись одни. Встал Стасик, конфузливо подошел к доске и начал стирать. Из его группы кричат: “Не стирай! Пусть будет!” Но Стас уже стер…

Попросил Стаса, коль уж вышел к доске, поработать писцом и записать персонажей. Группы по очереди называли по одному персонажу, а Стас записывал. Получился такой список: “Ворон, сокол, ворон № 2, кобыла, богатырь, хозяйка, недруг”.

Спрашиваю шепотом: “Стас, а кто восьмой-то был?” Шепотом отвечает: “Милой”. Я понимаю киваю, а сам думаю: “Вот случай-то”. Но группа не отважилась отстаивать свою “восьмую” версию, и мы продолжили работать.

Ворон к ворону летит,

Ворон ворону кричит:

“Ворон, где б нам отобедать?”

Как бы нам о том проведать?”

Ворон ворону в ответ:

“Знаю, будет нам обед;

В чистом поле под ракитой

Богатырь лежит убитый.

Кем убит и от чего,

Знает сокол лишь его,

Да кобылка вороня,

Да хозяйка молодая”.

Сокол в рощу улетел,

На кобылку недруг сел,

А хозяйка ждет милого,

Не убитого, живого.

От пересказа к пересказу

Прошу ребят сдать листочки с текстом, а затем написать пересказ в прозе. В пятом классе мы уже пересказывали поэзию письменно. То были стихи из сборника Есенина.

Поскольку кое-какой опыт был, ребята по-деловому принялись за работу.

Пересказы создавались командами. Ребята вспоминали историю, советовались. Поэтому у некоторых учеников пересказы были всего лишь схожи, у некоторых – переписаны один в один.

Выяснилось, что Марта помнит стихотворение наизусть – к ней ходили за справками, хотя эти справки вряд ли могли кому-то помочь. Ведь при пересказе мы удерживаем ровно столько, сколько поняли, сколько приняли за существенное. Как это ни парадоксально, но казалось, что помнить и замечать – вещи схожие. При пересказе то, что мы помним, как правило, становится заметным нам самим, потому что попадает в систему причинно-следственных связей, в контекст. При пересказе, особенно при его чтении вслух (или просто устным пересказе), возникают неожиданные открытия и осознания.

Наконец наступил долгожданный момент читки.

Жребий пал на Влада:

“Летит ворон к ворону и спрашивает, где бы им поесть, а тот сказал, что в поле лежит кобылка богатырь – как он умер, знает только сокол. Сокол улетел в рощу”.

Класс улыбался и загадочно улыбался. Дополнять было еще рано, поскольку по уговору предстояло выслушать еще несколько пересказов.

Жребий пал на Катю:

“Два голодных ворона решили пообедать мертвым молодцем. Кто его убил и как убил, знают сокол и кобыла. Но кобылку украли, сокол улетел. Хозяйка ждет его живого”.

Катя прочитала и ойкнула. В классе засмеялись, Катя тоже расхохоталась на свою “соколиную хозяйку”.

Жребий пал на Никиту:

“Проза.

Ворон ворону:

– Ну? Есть хочешь? А еда-то где? А-а! Вот я-то нашел, чем поживиться.

– Ну, скорей vedi! – не терпится второму. – Что там? Кто убитый? И кобылку увели? И сокол видел?”

– Да! На поле богатырь убитый. И кобылку увели. А супруга ждет милого – не убитого, живого.”

Никита читал эксцентрично, чем вызвал общую симпатию, аллодисменты и снисхождение к отсбятине.

Жребий пал на Дашу:

“Однажды ворон прилетел к ворону и спросил, где они могут покушать. А тот ему ответил: “Там, на поле, под кустом валяется убитый богатырь, а знает об этом только конь, сокол и хозяйка. На кобылку недруг уехал, сокол улетел. Хозяйка все знает и ждет другого, не убитого – живого”.

Здесь начался скандал, я пустил его на самотек. Большинство утверждало, что хозяйка ждала милого, а некоторые говорили, что другого: первые уверяли, что хозяйка не знала о смерти милого, а вторые – что она была заодно с убийцей. Марта знала текст наизусть и во всеуслышание категорично процитировала: “Знает… да хозяйка молодая!”

Ребята попросили вернуть листочки со стихотворением. “А-а-а, теперь понятно!” – летало из одного конца класса в другой.

Но что и кому стало вдруг понятно?

“Сергей Владимирович, они сговорились, а муж на охоту уехал, а тот его под кустом ждал, сокол охотничий был, а она этого и ждет, пока он убьет мужа-то и вернется…” – выпалила Тамара. Тамара про сокола теперь поняла, а про жену уже давно… Наступила неожиданная пауза. Все как-то задумались.

“Смотрите, вот…” – Тамара начала читать свой пересказ. “Ворон прилетел к ворону. Ворон ворону кричит: “Где бы нам отобедать? Где узнать об этом?”

Второй отвечает ему: “Я знаю, где нам можно пообедать. В поле под деревом лежит убитый богатырь. Никто не знает, кто его убил, кроме сокола. Знает еще его кобылка и жена. Сокол улетел, кобылу увели, а хозяйка ждет другого”.

И казалось, что всем все стало понятно. Но учителя знают, что так не бывает, что это иллюзия. Знал это и Пушкин.

Позже, когда я перечитывал ученические пересказы, подумал о том, что помнить деталь – означает ее заметить как действительно значимую. Значимое обязательно проявляться в интерпретации, а интерпретация предполагает “поле свободы” в выражении личного замысла.

В поле прочтений

Настало время публичных чтений. Есть особо одаренные ребята, которым не доставляет труда читать стихи так, что другим интересно слушать. Большинство нуждается в особом сочувственном внимании. А кой-кому декламация вовсе не дается. И здесь главное – не перегнуть палку, не вынудить ребят кривить душой, выдавая вычурное прочтение за свое интерпретацию.

Желающих читать вслух у нас всегда достаточно. Многим не терпится быть услышанными. Читает один, другой… Понимаю, что летние каникулы сорваны, поработать – ребята забыли себя читающими вслух. Чтецы дергают строки, тырчатся, тарabant. Некоторые пытаются “читать с выражением”, но больше “выражаются”, нежели выражают.

Я уже давно заметил: как только приходит к нам ученик из другого класса или другой школы, он начинает читать стихи или прозу как-то по-особенному завывая, иногда закатывая глаза, порою заявляя излишний пафос и неестественную торжественность.

Помню, Маша, новенькая, в шестом классе читала стихотворение А.К.Толстого “Где гнутся над омутом лозы…”. Речь в нем идет о том, как на берегу реки отдыхали мать и ее дитя. И вот мать уснула, а ребенок то и заигрался со стрекозами, которые кружили над омутом, то ли засмотрелся на них, а может, и вовсе не обращал на них никакого внимания, но насекомые всячески уговаривали его подойти ближе к краю откоса…

Девочка забрала себе место для чтения в середине класса и, скромно держась за край парты, читала неожиданно самозабвенно и заткнито. И вот когда она приступила к последнему четверостишию, класс сперва прыснул, а после вовсе расхохотался. Я тоже не мог удержаться…

Маша, словно прочитав: “Я русский бы выучил только за то…” – декламировала:

Мы песенку знаем так много,

Мы так тебя любим давно!

Смотри, какой берег отлогий,

Какое песчаное дно!..

Конечно, она покраснела, смутилась, пришел черед помочь ей. Я поблагодарил за оригинальную задумку и поздравил с тем, что ей удалось сделать невозможное – рассмешить там, где в пору плакать, а для этого нужен тонкий артистический дар.

Интересно, что в результате чтения прочтения искомое. Поэтому смысл стихотворения. Поняли не благодаря, а вопреки. Поняли через искажение. Поэтому мы искренне сказали “спасибо” чтецу за наши нечаянные открытия.

Позже Маша снова читала строки стрекоз.

Вспомнилась, как шестиклассники увлеченно слушали аудиокассету с чеховским “Налимом” в прочтении Анатолия Папанова. “Сергей Владимирович, – воскликнул Глеб, – он пятью глотсами читал! Во класс!” Глеб после ходил за мной и просил переписать кассету, а я не давал, боялся, что наслушается…

Ныне же семиклассники читали Пушкина – из рук вон плохо. Я, вспомнив про реплику в самом начале нашей работы над стихотворением, предложил им заняться чтением былин, благо по программе они нам предписаны. Мы отложили “воронов” и приступили к былинам, используя прием медленного чтения по секундомеру, кто медленнее, с условием, чтобы смысл прочитанного не потерялся.

Рисунки на полях

После былин мы снова вернулись к пушкинскому “Ворон к ворону летит…”. Я попросил ребят читать по цепочке – друг за другом, выполняя два задания: во-первых, сохранять рассказчика, а во-вторых, удерживать быллинность повествования.

Всегда трудно в классе читать одно и то же в течение одного урока. Поэтому появляются в школьной практике зачеты, когда после уроков выстраиваются очереди учеников, чтобы сдать учителю то или иное стихотворение. Но подобной практики можно избежать, если присмотреться к творчеству любимого поэта. Мы все обращали внимание на поля рукописей Александра Сергеевича – они изрисованы. Что делал Пушкин, когда рисовал? Только рисовал или кого-то слушал? А может, размышлял?

Я предложил детям, читая друг за другом стихотворение, нарисовать иллюстрацию к тексту.

Итак, началось иллюстрирование под певучее былинное чтение, а для кого-то наоборот – чтение под иллюстрирование. Нужно сказать, что ребята, в сравнении с первыми чтениями преобразились – читали вдумчиво, со знанием дела, а главное – по-разному, ведь рассказчики разные.

Пока читали и рисовали, ко мне подошел Сергей и сказал глубоким шепотом:

– Посмотрите, здесь одно предложение, – и он указал на третье четверостишие. – Хозяйка-то знала.

Я искренне подивился находке.

Значит, все же не всем было понятно Тамирино открытие. Сережка только теперь и вполне самостоятельно увидел то, что несколько уроков назад увидели многие.

Спустя несколько минут Сергей снова встал и подошел ко мне: “Смотрите, ворон говорит: “Знаю, будет нам обед…” А сама-то он не обедает еще. А почему, если знает, что богатырь лежит убитый? Может, богатырь еще не убит, а только будет убит?..”

Ребята читали, и уже скоро должна была быть очередь Сергея. Я сдержанно пригласил его сесть на место.

И тут мне вспомнилось:

“Черный ворон! Что ты вешься

Над моею головой?

Ты добычи не добыешься:

Я солдат еще живой!”

С чего вдруг Сергей начал рассуждать про время и набрел на такое открытие? Может, из-за множества прочтений? А может, из-за выполнения задания, рисуя?

Иллюстрации получились разные. В некоторых был заметен рассказчик. При иллюстрировании Пушкина мы получили в классе весь спектр рисунков. Были рисунки с ответом на вопросы “про что?”, “когда?”, “где?”, некоторые искали рассказчика, были и просто формальные рисунки с перечислением деталей или действующих лиц. Но главное – появились суждения типа “это стихотворение о женском коварстве” или “животным – главное познать, им безразлично человеческое страдание”, или “все же это баллада”.

Вдоволь почитавшись русскими былин (хотя хочется странно читать то, что все же это баллада) и выполняя другие задания, ребята пришли к своим прочтениям “Воронов”. Некоторые отважились читать на весь класс, но тут возникла проблема пунктуации. Говорят, у пушкинских редакторов часто возникают проблемы с авторской пунктуацией. Оказалось, что в одном из собраний сочинений А.С.Пушкина в этом стихотворении вовсе нет кавычек, и тогда получается, что последняя строфа принадлежит ворону, а не рассказчику, что и было отражено в одном из чтений.

Последняя строфа вообще оказалась решающей, поскольку в ней заключено отношение к событию. Кто-то ее читал с укором, кто-то пытался нас удивить, а кто-то – и вовсе ободричь.

Из учительских возвратов

Дивясь ученическим открытиям, я незаметно для себя начал сам переоткрывать пушкинские строки. Я ходил по школе – спрашивал мнения других учителей “о воронах”. И поскольку я подходил к одним и тем же людям неоднократно, то всякий раз поражался различию учительских версий по поводу фабулы стихотворения. Одни уроно говорили, что речь идет о женской верности, что “хозяйка ждет милого” живым. Когда я обращал их внимание на слова о том, что она знала “кем убит и от чего”, мои собеседники продолжали настаивать на своем, тем самым подчеркивая преданность хозяйки своему, как они говорили, “любимому до гроба”.

Другие, загадочно улыбаясь, разворачивали криминальную интригу с убийством несчастного мужа в чистом поле у куста ракиты, когда последний, ничего не подозревая, выехал по обыкновению поохотиться.

Третьих занимала судьба обеда – они подчеркивали учелитель в тогу, что вороны теперь могут беспрепятственно пообедать, подстержкая сокол улетел, ворона, кобылку увели, а молодая хозяйка не бродит где ни попадя, а мирно сидит дома и ждет милого.

Четвертые, увлекшись структурой, указывали на не-обычный ритм, возникающий в начале стихотворения, когда слово “ворон” повторяется пять раз, что, по их мнению, указывало на явное былинное происхождение стихов и на ворона как символическое воплощение беды и неминуемого рока…

Но еще больше меня поразило то, что при первых прочтениях стихотворения практически все, включая меня самого, видели одно: несчастного богатыря, убитого на поле брани, и его безутешную возлюбленную (иногда – жену). Признание былинности повествования заставило многих упустить существенные детали.

Чуть позже я нашел в издании от 1887 года наше стихотворение с подзаголовком “Шотландская песня”, а в учебнике по литературе для пятого класса под редакцией А.Л.Кутузова встретил упоминание о том, что Александр Сергеевич переложил шотландскую балладу. Более того, там говорилось следующее: “Великий русский поэт сократил количество четверостиший в переводимой балладе для того, чтобы сохранить неяркий эпический повествования (дело в том, что в английской языке большинство слов короче русских)”.

И уже совсем недавно, когда эта статья, претерпев многие изменения, была закончена, коллеги принесли мне сборник “Английские и шотландские народные баллады” (“The English and Scottish popular ballads”). Я с удовольствием обнаружил в этом сборнике и пушкинский перевод, и сам оригинал “The two sorbets”. Видимо, время спорящих так, что баллада вьезжает в наш сознание чаще со смертью на поле битвы и верностью до гроба, нежели с супружескими кознями. Мы говорим: “Это ж баллада!” – и перед глазами всплывают благородные (былинные) образы. I

P.S. Близкий друг, занимающийся проблемами белки, прочитав мой перевод, поскольку собираются свить гнездо (“our nest”). Интересно, обратил ли на это внимание Александр Сергеевич?

ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК | *иосиф фурман.*

Пап, можно не так быстро?! – Но папа даже не обернулся, и мне пришлось идти рядом с ним в его темпе. – Мы никуда не опаздываем, там всегда все задерживается, сделал я еще одну попытку заговорить, но и она оказалась неудачной. Что-то про меня сегодня скажут: предстоящее родительское собрание портило весь вечер. Да и вообще второй раз за день тащиться в школу...

– Мне нужно купить ручку и блокнот, – сказал папа с холодными нотками в голосе, даже не замедлив шаг. Где здесь это можно сделать?

Да... процесс пошел. Процесс разделения родителя и ребенка на два враждующих лагеря. Это всегда случалось перед родительским собранием. Потом, немного поругавшись и повеселившись, мы снова возвращались к нормальным отношениям, но это ожидание... эти пронизательные, критичные взгляды взрослых: мол, посмотрим, всю ли ты правду говорил, так ли все на самом деле хорошо. И учителя тоже так думают?..

Я открыл дверь в школу и пропустил папу вперед. Холодный ветер заставил поежиться, я оглянулся – сам не знаю зачем, может, посмотреть, куда бежать, где спрятаться, остался ли за спиной кто-нибудь свой. Не хотелось входить – поневоле вспомнились неприятные моменты школьной жизни за последние дни... Да, есть что порассказать папе! Я прошел внутрь.

– Здравствуйте! – заискивающе проговорили мои одноклассники, сидевшие на первом этаже. Они как будто спрашивали каждого входящего взрослого: “А вы за нас? Вы им не поверите?” Папа кивнул, но даже не посмотрел в их сторону. Они перевели взгляды на меня.

– Там все уже началось? – буркнул я, объясняя глазами: “Нет, он не за нас, он им верит. Это мой папа”.

Ребята понимающе опустили головы: “Что ж, иди, а мы будем ждать своих родителей”. Хотя сейчас они все стали общими, чужими.

В туалете папа, выглядывая из-за стойки, улыбнулся.

“Ему тоже страшно, – догадался я. – Он тоже боится, что про него скажут. Ведь мы с ним почти одно, то есть я его продолжение, и все, что там будут говорить, будут говорить про него”. Но я не улыбнулся в ответ. Слишком поздно. Ты чужой, мы в разных лагерях, и не дело перемигиваться с врагом.

Духота в классе стояла невозможная. Еще бы – народу туда набилось в три раза больше, чем обычно. Одноклассники рядком сидели на стульях вдоль стен, а середину, все наши места, занимали родители. (Это собрание было совместным, как говорили учителя, чтобы родители могли на вас посмотреть.) Вдоль доски, лицом к классу, устремив усталые взгляды в пол, сидели преподаватели. Папу я обнаружил не очень далеко от меня: он надел очки и уже начал что-то писать в блокнотик.

– Ну чего, посмеемся? – шепотом спросил я соседку. Сегодня мы с ней проржали весь урок литературы, в очередной раз вызвав негодование учительницы. Девчонка испуганно посмотрела на меня, как на идиота, и отвернулась.

Когда назвали мою фамилию, я вздрогнул. Что обо мне говорили, я точно не помню, но все это было как удар. Главное, я никак не мог понять, откуда все это взялось? Ведь то, о чем шла речь, на самом деле происходило совершенно по-другому. Все было просто и невинно, а тут... Я узнавал свои собственные “остроумные” высказывания – но теперь их зачитывали с такими вульгарными интонациями, что они начинали казаться обычной деревенской грубостью. Я предстал перед собой в каком-то откровенно хамском облици. Этот образ испугал меня... Я, конечно, и раньше догадывался, что я не овечка, но так?..

Я с отчаянием смотрел на своих друзей они отводили глаза, осторожно улыбались и краснели, понимая, что следующими будут они.

Никто из родителей не шевелился. Их закаменевшие лица были устремлены вперед. Казалось, что они – статуи, которые вечно сидели здесь, на этих стульях. Только их жесткие взгляды горели какой-то злой, властной силой: “Значит, вот как все на самом деле! А эта зараза все от меня скрывала!..”

Они все верили, слепо соглашаясь с тем, что им говорили, верили, как взрослые верят взрослым. Казалось, родители слились в одно хищное существо, застывшее в ожидании охоты!

Я посмотрел на папу. Он вжался в стул и утирал платочком пот со лба: таким я видел его в первый раз. Он все писал и писал, словно хотел раствориться в блокноте, исчезнуть. Я перехватил его взгляд и отчаянно улыбнулся, но папа сделал вид, что не заметил моей растерянной улыбки, и снова слился с этим страшным существом родительства...

– Ну что, я думаю, теперь мы можем попросить их выйти? – сказал директор, и мы с облегчением потянулись к выходу, подальше от этих глаз и духоты.

В коридоре все встали в круг и некоторое время молчали. У каждого в душе бился невысказанный протест, возмущение. Вдруг все разом заговорили. Каждый свое, не слушая другого, но в целом голоса сливались в одну испуганную ноту: мы просили жалости, защиты. Словно отбившиеся от стада детеныши, плакали и выли на луну, просясь домой, в теплую родную пещерку.

– Курить! крикнул кто-то, и все послушно потянулись на улицу. Разбившись по парам и тройкам, мы бормотали о чем-то недовольными тихими голосами. Приглушенный мат выдыхался изо ртов вместе с сигаретным дымом и морозным паром. Курили даже те, кто обычно не курит...

Охранник притушил свет.

– Ну что, ребятки, может, домой пойдете? – участливо спросил он. – А то уже десятый час.

Нас осталось трое. Всех остальных “разобрали” по домам.

– Класс сильно сплотили! – проговорил Стас. (Его родители не пришли, да его и не ругали, хотя мы веселились вместе.)

– Какая все это глупость! – не выдержал я. – Все как-то по-тупому! Ругали только избранных, а не всех... У меня было острое ощущение, что мир устроен абсолютно несправедливо: – И не надо нам было сюда приходить! Только зря время потратили. А завтра в школу. Это надо же придумать устраивать собрания в начале недели!

Только Маша, съезжившись на стуле, молчала. Классная руководительница была ее тетей, и Маша ждала продолжения “приятного” вечера.

Озлобленное правдолюбие сменилось горькой усталостью. В конце коридора показался папа. Я крикнул ему какое-то мрачное приветствие, а он улыбнулся сочувственной своей улыбкой и что-то ответил мне доброе, доброе. Мы пережили это, мы снова в одном лагере, и нас ничего не разделяет!

– Да, ты точно доживешь до завтра... сказал Стас мне вслед, и мы вышли из душной полутемной школы на свежий зимний воздух. |

/Зачем нужны родительские собрания?

Читайте шестой номер нашего журнала

ДЕТСКАЯ СВЯТОСТЬ *вера абраменкова*

Доктор психологических наук, в своих книгах, исследованиях и выступлениях развивает новое направление в психологии, которому дала имя “Социальная психология детства”. В своих мечтах она пытается породить научную психологию ценностями и традициями русской православной культуры.

На протяжении веков где-то рядом с широкой дорогой Культуры петляет маленькая тропка Детской субкультуры – смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения детских сообществ. Ее богатства – игры, фольклор, правовой кодекс – венчает вертикаль отношений ребенка с миром: детские религиозные представления и духовная жизнь. I Детская духовность – глубокая, интимная сторона жизни ребенка, наиболее скрытая от внешнего наблюдателя – не только взрослого, но и сверстника. Детство вообще благодатная тайна. Об этом прекрасно писал русский философ и тонкий детский психолог Василий Зеньковский: “Мы знаем, мы глубоко чувствуем, что там, в глубине детской души, есть много прекрасных струн, знаем, что в душе детской звучат мелодии – видим следы их на детском лице, как бы вдыхаем в себя благоухание, исходящее от детской души, – но стоим перед всем этим с мучительным чувством закрытой и недоступной нам тайны”. I Для анализа феномена детства особый интерес представляет агиографическая (житийная) литература – излюбленное домашнее чтение наших предков. В житиях святых (их жизнеописаниях) много имен детей и отроков, прославленных Церковью и почитаемых жителями. Можно сказать, что русская православная традиция связана с особым чином святости, не привлечшим еще внимание исследователей – чином детской святости. Его составляют почитаемые, церковно канонизированные дети: младенцы до семи лет и отроки до пятнадцати-восемнадцати лет. I Среди них есть князья, бояре, крестьяне, монахи, юродивые. Особое религиозное благоговение питалось в народе к детям, погибшим насильственной, мученической смертью, – царевич Димитрий, отрок Гавриил Слуцкий, младенец Иоанн Углический, убитый работником отца, Василий Мангазейский, также погибший от рук мучителя и убийцы. Но почему, за какие заслуги перед Церковью и государством эти детские имена оказались в святцах? Почему, например, не Ярослав Мудрый, а его современник – краткий княжич Феодор Новгородский, в шестнадцать лет внезапно умерший накануне своей свадьбы, сподобился венца святости? Кто они – святые дети и отроки? I **Особое отношение к ребенку** в российской духовной традиции как “наследнику Царствия Божия” парадоксально не соответствовало низкому статусу ребенка в российской семье и общему отношению к детству, которое характеризуется, с точки зрения человека нашего времени, завышенными требованиями, излишней суровостью и воспитанием и юридическим детским бесправием. I Вместе с тем, в различных слоях и сословиях дореволюционного общества присутствовало, по сути, уважительное отношение к детской жизни. Оно выражалось не только в религиозных представлениях о ребенке как воплощении ангельской чистоты, простоты и целомудрия (в соответствии с евангельским призывом “Будьте как дети”), но и в естественном признании за детьми автономного мира детской субкультуры и пространства детских игр, где бы ни жил ребенок – в дворянском ли особняке или в самой бедной крестьянской избе. Скажем, в русском доме самое высокое, “небесное” место – полати (дощатый настил над печкой) – было предназначено детям, детские игрушки любовно мастерились, бережно сохранялись, передавались из поколения в поколение. I Парадоксальность детской святости и народного почитания детей кажется еще более очевидной при обращении к истории детства в социальной жизни русского народа. С одной стороны широко известны: “Устами младенца глаголет истина”, “Дети – Божия благодать”. С другой, для российской ментальности характерно и отрицание ребенка как самостоятельного существа. Сама этимология русского слова “ребенок” восходит к слову “рабь”, а “отрок” – это “не имеющий права говорить”. I И так, с одной стороны, существование автономного мира детской субкультуры – мира, специфического детского фольклора и быта, передающихся из уст в уста. (По свидетельству ученых, некоторые детские игры и устные тексты пришли из глубины веков и насчитывают несколько тысячелетий.) А, с другой стороны, до XIX века в российском законодательстве отсутствовали статьи, защищающие права и интересы детей. Эти противоречия не дают, а скорее, уводят от ответа на вопрос о происхождении и природе детской святости. Может быть, речь идет о простом заимствовании из византийских житий? I **Безусловно, древневизантийская агиография** не могла не оказать своего влияния на представления о святости на Руси. Однако все святые дети в византийской традиции – это мученики за веру, за Христа. Первыми мучениками по сути оказались четырнадцать тысяч вифлеемских младенцев, убитых по приказу царя Ирода. Позднее детьми-мучениками стали и юные жительницы Древнего Рима – Вера, Надежда и Любовь, особо почитаемые и сегодня святые девочки 12, 10 и 9 лет, принявшие мученический венец. Кроме них, известны трое отроков – погибших в печи вавилонской (и снова цифра 3), младенец Кирик, добровольно стorerший вместе с матерью в доказательство верности Богу, и этим подвигом обративший в Христианство сотни язычников. Девочка Акилина, с десяти лет проповедовавшая идеи Христа среди сверстников, а в двенадцать, представ перед языческим правителем Палестины, претерпела страшные мучения и смерть. I Таких примеров в агиографической литературе немало, но в русской православной традиции детской святости, вероятно, нельзя говорить о прямом заимствовании из византийских источников, поскольку среди русских детей, погибших насильственной смертью, не было мучеников за Христа, не было проповедников христианства. (Исключение составляет, пожалуй, Иоанн Киевский, младенец, погибший от рук язычников в Киеве за несколько лет до крещения Руси. Но он – священная жертва и, как написано автором жития, “невинной кровью мученика Киев был предуготован к принятию святого крещения”.) Святость как благодатный итог подвижнической жизни, трудов, покаяния, молитв, аскетизма, оказывается несомненно великим. Святые подвижники своей жизнью, чудесами, озеленяются свидетелями величия, мощи и славы Божию. А что могли дети? I **При всей иррациональности**, невозможности объяснить природу святости исходя из научной логики или с точки зрения здравого смысла все же попытаемся обозначить общие черты в житиях святых детей. I Первое, что обнаруживается: святые дети – это “вымоленные” дети, они зачастую – плод долгих молитв своих родителей, и потому после рождения они посвящались Богу. Для такого ребенка с ранних лет характерно особое благочестие – строгий пост, усиленная молитва: таковы будущий святитель Иона или отрок Василий, известный как Святитель Варсонофий Тверской. Преподобный Симеон Дивногорец шести лет (!) удалился в пустыню, где его питал светоносный Ангел. У этих детей благочестивая семья, в которой с первых дней ребенок приобщается к молитве. Однако и здесь есть исключение: будущий Преподобный Феодосий Печерский тяжело страдал от собственной матери, которая избивала его, заковывала в кандалы, отвращая от пути Христова. I Таким детям рано выпадают на долю испытания: сиротство, крайняя бедность, издевательства, побои, насмешки. Об отроке Тимофее – будущем святителе Тихоне Задонском в житии пишется так: “Над ним и над убожеством его издевались его товарищи – дети богатых священников”. Для таких детей характерно также общее отрицание традиционной детской жизни, уклонение от игр, забав. Почти в каждом житии, описывающем детские годы святого, есть замечание о том, что ребенок отвергал все формы ребячливости, детскости, а значит, неизбежно был одинок в детской среде. I Поборой причиной насмешек и издевательств взрослых и сверстников оказывалась неспособность такого ребенка к учению в силу плохой памяти или непонятливости. Учение давалось туго отроку Варфолоею (Преподобному Сергию Радонежскому) и будущему святителю Ионе – митрополиту Московскому, и Феодосию Печерскому, и Иоанну Кронштадтскому. Подробная “задержка в психическом развитии” ребенка сопровождалась, с одной стороны, “сокрушением родителей” и наказаниями, насмешками сверстников и учителей, с другой стороны, – сверхмотивацией самого ребенка, его горячими ночными молитвами и слезами. Эти усилия, как правило, увенчивались успехом: после долгих ночных молитв, как бы во сне свершалось чудо, такое как со сном: Иоанном Кронштадтским : “слово пелена с глаз упала, и ум в голове открылся”. После такого острого переживания ребенок вдруг начинал постигать ученую премудрость и вскоре превосходил всех своих сверстников. I Подобно тому как с детских портретов XVIII века на нас смотрят маленькие старички и старушки в богатых одеждах и с атрибутами княжеской власти, на страницах житийной литературы образы детей-святых также оказываются лишены сугубо детского черт. Великие дети несут христианский идеал подвижничества, кротости, безвинных страданий, образ уничиженного Христа. I **Как правило, в жизни каждого** такого ребенка существует особый мистический момент, который определяет его избранничество. В агиографической литературе часто обозначается двенадцатилетний рубеж. В двенадцать лет уже упомянутый нами святитель Иона постигается в монахи, князь Андрей становится иноком Иоасафом. Княжна Евфросиния Полоцкая, отличающаяся редкой красотой и благочестием, в двенадцать лет постригается в монахини, становясь невестой Христовой. I Именно в двенадцать лет происходит призвание Божие ребенка. Это происходит обычно в особом психологическом состоянии сознания: в период тяжелой болезни, в забытьи или во сне и сопровождается чудесным видением или голосом. Двенадцатилетний боярский сын, раскинув сети для ловли птиц, внезапно услышал и вдруг слышит голос: “Зачем, Алексей, напрасно трудиться, я сделаю тебя ловцом человеков”. Этот голос слышал будущий митрополит Московский Алексей. I Двенадцатилетний рубеж – особый пункт в биографии будущих святых, когда ребенок призывается к служению, оставляя свою прежнюю жизнь. Это момент особого духовного преображения обуславливает и изменение в умственной, интеллектуальной сфере: доселе неспособному ребенку открывается премудрость Божия и науки, как это случилось со святыми Сергием Радонежским и Иоанном Кронштадтским. И наоборот, ребенок, отличающийся редкой понятливостью и бойкостью ума, вдруг все это утрачивает, становится “дурачком” подобно Иоанну Устюжскому, в двенадцать лет прельставившемуся как “Христа ради юродивый”. I Наконец, этот возраст – момент особого избранничества, который отделяет жизнь обычного ребенка от жизни святого. Именно в двенадцать лет христианские мученицы Вера и Акилина приняли мученический венец, а русский отрок Артемий Веркольский – страшную смерть от удара молнии. Как пишет автор жития: “в 12 лет спустился на него тот венец святости, который другие подвижники приобретали целой длинной жизнью неустанного труда”. Сохранилась точная дата 23 июня 1544 года – мальчик с отцом работал в поле. Внезапно началась страшная гроза, и молния на месте убила Артемия. Смерть от молнии, как Божия кара, не позволяла предать тело земле: мальчика положили на лесной поляне, сделали деревянный сруб, накрыли его берестой и ушли: “Бог готовил русскому миру нового чудотворца в лице невинного отрока”. Через тридцать лет на этом месте стало появляться сияние: было обретено нетленное тело отрока Артемия, его захоронили в храме. От благоуханного гроба отрока исходили чудеса: исцелялись больные, прозрели слепые. Позже на этом месте была основана Церковь. I Все совпадения, связанные с двенадцатилетним рубежом в жизни святых детей, вряд ли можно назвать случайными, однако сама природа этой мистической цифры остается загадкой. Число “12” выступает в соответствии с космогонической моделью мира – Вселенной, мировым деревом, годом – в мифопоэтических древнейших культурах и в христианской традиции: 12 праздников в году, 12 Апостолах Христе и 12 тысяч праведников, помноженных на 12 колен Израилевых в Апокалипсисе Иоанна Богослова. По Преданию, будущий антихрист в 12 лет, гуляя по саду, встретится с вышедшим из преисподней сатаной и воспримет силу его. I В различных культурах до сего времени сошествует обряд инициации. Этот особый экзамен на взрослость: часть производятся болезненные операции по изменению внешности человека (наносятся татуировки, надрезы кожи), меняется имя, подросток уходит из родительского дома, другими становятся его занятия. Нижняя возрастная граница такого испытания во многих традициях культур – около двенадцати лет. В туках инициации происходит рождение новой личности. Сдав этот трудный экзамен на взрослость, мальчик “превращается” в мужчину и может вступать в брак. Интересно, что и в России брачный возраст, а также возраст монашества устанавливался с двенадцати лет. А в Англии в XVIII–XIX веках с двенадцати лет человек мог предстать перед судом, ему могли вынести приговор: казнить вместе со взрослыми. I Вероятно, мы можем говорить о двенадцатилетнем возрасте как важнейшей точке духовного взросления личности, неподвластного психологическим измерениям, переживаемого особо остро теми, кто способен различить в потоке противоречивых внутренних импульсов голос духовного призвания. Вспомним ответ двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалимском храме, когда он прозвал неслухом отца: “Зачем вам было искать Меня? Или вы не знали: что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Мою?” (Лк, 2; 49). I Попытка постижения исторического и духовного смысла детской святости в русской культуре заставляет выйти за рамки агиографии в сферу культуры в широком смысле слова. Оставление ребенка детству в историческом контексте претерпело существенные изменения: это путь от ребенка-раба, которого можно было продать, к ребенку как цели патриархального брака; от ребенка – “маленького взрослого” к самостоятельной личности, ценной в себе. Духовный смысл детской святости – в особом избранничестве Господом каждого ребенка для Царствия Божия и в его горячем отклике и желании идти Христом. Однако реально “много ученых, но мало избранных”. I **В силу особой мифологичности**

детского сознания с верой в сверхъестественное, потребностью в обретении высшего средоточия целостного мира, естественно религиозен каждый ребенок. Даже в том случае, если ребенок отлучен от религиозной традиции, как большинство детей постреволюционной России, потребность в “горней сфере”, поиск эмоциональной связи с высшим свойственны детской душе в полной мере. I Современные дети свои религиозные чувства часто скрывают и от взрослых и от сверстников, боясь насмешки, предпочитают обращаться непосредственно к “высшей инстанции”, способной услышать и помочь. Вот о чем просит в своей молитве восьмилетняя Наташа: “Господи, сохрани нас! Дай нам здоровья, успехов в жизни. Спаси! Спаси! Господи, помилуй. Господи наш Иисус Христос, мы любим тебя. И Божья Мать, сохрани нас и спаси. Не давай никому обижать малышей. Дай всем детям учиться хорошо, на “4” и “5”. Дай малышам в садике здоровья. Дай нам быть красивыми и долго жить до ста лет. Спаси нас, Господи, мы никогда тебя не забудем. Мы тебя, Боженька, любим больше всех на свете и ждем твое Рождество – 7 января”. (Записано бабушкой в декабре 1995 года.) I Детские молитвы присущи и нецерковным, стихийно верующим детям, и тем, кто знает тексты молитв и Священное писание. Ведь и они испытывают потребность в “своих” молитвах, в которых могут выразить просьбу и вырванное устремление. Такие молитвы живут в глубине сознания каждого ребенка и дурываются в определенных ситуациях. I Накануне Нового 2000 года в одной из подмосковных школ в детских рисунках, посвященных Рождеству и мини-сочинениях, самым удивительным образом проявились сокровенные желания дети: они выразили их в молитвенной форме прошений, обращенных Богу и Ангелам. Дети почти ничего не просили для себя, их волновали судьбы мира, здоровье и благополучие близких и вообще всех людей: “Помоги мне, Боже. Дай чтоб вся земля была богата. Пусть Новый год будет счастливым” (Денис, 9 лет); “Пусть папе и маме будут не так тяжело. Пусть мир будет добрым и счастливым.” (Гриша, 8 лет); “Я хочу чтоб все-все было хорошо, у всех людей была какая-нибудь радость” (Маша, 7 лет). I Прозвучавшие жизни: “Боженька, сделай так, чтобы у нас в стране не было аварий. Чтоб никто не ругался матом!” (Женя, 8 лет); “...чтоб не было убийств, ...чтобы не было войны!” (Гоша, 7 лет); “Пусть будет хорошо на душе у всех людей. Пусть у всех бедных людей будет еда на столе. Пусть все люди будут дружными” (Маша, 8 лет); “Милый Ангел! Сделай так, чтобы все стоило за 1 копейку” (Максим, 7 лет). I Остается только удивляться, что эти искренние молитвенные прошения принадлежат детям достаточно далеким от церкви, никто из них не посещает даже воскресную школу. Это значит также, что возрасты духовной жизни не совпадают с “паспортным” возрастом. Дети стучатся в наши сердца, о чем-то нас предупреждают и присыпают вьюсь. Они как неботожители живут рядом неузнанными и уходят непонятыми. Они очищают нас своей чистотой и безлюбием, они учат нас любви. Они живой образ святости, содержание которой – сам Бог, чтобы мы могли увидеть, что такое в его полноте сам Человек. |

ВИНА ПЕРЕД РЕБЕНКОМ, ВЗРОСЛЫМ И СОБОЙ

вера лосева, алексей луньков

Вера Лосева – доктор педагогических наук. Алексей

Луньков – доктор педагогических и кандидат

психологических наук. Муж и жена. Не любят и не имеют

компьютера и телевизора. Любят музыку и книги.

Термины к радио и телефону.

Я знаю, что сама виновата в том, что дочь такая капризная. Как говорится, получаю по заслугам.

Я вполне осознаю, что недоюла ей материнской любви. Мало кормила ее грудью – до года и семи месяцев, а ведь сейчас в женских журналах пишут, что кормить надо до трех лет. Так что первую травму я ей нанесла сама. Честно говоря, тогда я просто устала и поддавалась на уговоры подруги. Хотя чувствовала, что настоящая мать не может устать от кормления грудью. Уже год я работаю три раза в неделю по три часа, оставляя дочку на это время с бабушкой. И это вторая травма, которую я ей нанесла и оставя ради своих интересов, ведь острой материальной необходимости работать у меня не было: муж зарабатывает достаточно. На работу я хожу потому, что она мне действительно нравится, но я знаю, что настоящая мать воспринимает разлуку с ребенком даже недолгую как обкрадывание себя. Ведь говорят же, что мать для ребенка – это мир, а для настоящей матери отношения с ребенком заменяют весь мир. Я, видимо, ненастоящая мать, потому что у меня есть еще другие интересы, и я злюсь на себя за то, что они у меня есть. Я боюсь, что причиняю вред своему ребенку и ненавижу себя за то, что последние полтора года из тех трех лет, что я просидела дома, проводя целые дни с ней вдвоем, я часто испытывала одиночество.

Я пыталась скрыть это, что хожу на работу – говорила, что иду в магазин. И она всегда воспринимала нормально то, что папа уходит на работу, а мама в магазин. По дороге домой я всегда покупала ей игрушку или что-нибудь вкусенькое, потому что знаю, что даже самая замечательная бабушка не заменит ребенку мать, но я боюсь, что она начала о чем-то догадываться. Вчера, когда я пришла домой, дочка спросила: “Ты где была?” Я ей сказала: “В магазине”. Она на меня посмотрела так пронзительно и сказала: “Мамочка, только чтобы это было в последний раз”. Я почувствовала сильное раздражение, но смогла подавить его. Разве можно злиться на ребенка, которого ты сам обделяешь любовью?”

/ Из рассказа мамы на психологической консультации.

Средства массовой информации изрядно преуспели в последние годы в создании чувства неполноценности и вины перед собственными детьми у большинства самых обычных родителей. Фразу “одеваю, обуваю, кормлю – что еще надо?” теперь уже не услышишь. Теперь все “знают”, что главное, в чем нуждается ребенок, – это безусловная родительская любовь. А если ребенок как-то не так себя ведет, у него эмоциональные проблемы или, упаси Боже, он совершил хулиганский поступок, то причина всегда одна – родители недоюла ему этой самой безусловной любви. Могли дать, а не дали. На другое потрадили... На себя... Так что они во всем и виноваты.

А вот когда этой самой безусловной любви достаточно, ребенок здоров и счастлив, учится на одни пятерки, вежлив со старшими и ладит со сверстниками и никогда не хамит бабушке. Вот. Так что если ваш ребенок обозвал учительницу “крысой”, то ни он, ни учительница здесь ни при чем. Просто ребенок перенес на учительницу вытесненную агрессию на мать, недодающую ему любви и тепла. А мамы сами виноваты, сами и должны исправлять последствия своего воспитания.

Такого рода “психологических” объяснений полным-полно в женских журналах, радиопередачах и на телевидении. Получается парадоксальная картина. С одной стороны, большинство родителей должны почувствовать себя ужасно виноватыми перед детьми, которые на самом деле “мудры”, “правдивы” и “совершенны”. И только взрослые, делая что-то не так, провоцируют их на шалости и грубости. Но, с другой стороны, раз все дело “в нас”, думают родители, то, оправившись от перенесенного шока, вызванного масштабностью собственной вины, они должны, по идее, впасть в более безобидный социальный точки зрения, фангазм собственного всемогущества. Если все проблемы ребенка возникли из-за меня, то, значит, научившись правильно себя вести, я могу сделать так, что мой ребенок всегда будет счастлив.

Мы встречали много людей, без труда устанавливающих связи между своими неудачами во взрослой жизни и проблемами в отношениях с родителями в раннем детстве. Но не припомним, чтобы кто-то свои успехи во взрослой жизни связывал исключительно с тем, как его воспитывали в возрасте до пяти лет. Так что идея, что “все – от родителей” в массовом сознании прижилась, но с некоторым перекосом в одну сторону. Она звучит как мотив обвинения, а не благодарности.

Надо сказать, что и профессиональные психологи “приложились” к благородному делу обвинения родителей во всех проблемах детей. Но они, правда, не только обвиняют – они еще и помощь предлагают, тем самым неявно подтверждая, что совершенным родителем, при их, психологов, конечно, поддержке, стать можно. Но эйфория от иллюзии собственного всемогущества у родителей длится недолго, поскольку двойки, ссоры и обиды в жизни детей появляются все равно. И тогда – опять чувство вины. И уже всерьез и надолго. С полным осознанием своей ответственности и беспомощностью от неспособности эту грандиозную ответственность реализовать.

Но могут ли постоянно виноватые родители лучше понимать своего ребенка, быть более способными к живому общению с ним, вселять в него уверенность в своих силах, быть более склонными к одобрению и поддержке? Нам кажется, что нет. А если посмотреть на таких родителей глазами ребенка, то окажется, что общаясь с ними ребенок должен быть самым совершенством, ведь он не может расстроиться взрослым. И это вселяет чувство вины и беспомощности уже у самого ребенка.

Тема вины вообще и перед ребенком в частности остра и болезненна. Можно предположить, что связано это с тем, что переживание вины – источник других отрицательных переживаний, на первый взгляд, кажущихся автономными и даже несоместимыми с нею. Мы имеем в виду страх, гнев и переживание одиночества, причем не в форме временных, ситуативных реакций, а в форме длительных состояний человека. Именно слова, обозначающие эти переживания, и выделены в монологе мамы, пришедшей к нам на консультацию.

Попытаемся построить цепочки сознательных, полусознательных или даже бессознательных умозаключений, “запускающих” страх, гнев или одиночество. Если это удастся сделать, то станет ясным масштаб темы. Так что после этого “разбираться” по отдельности со страхом, гневом и одиночеством, не затрагивая базового переживания вины, будет, по меньшей мере, малопродуктивным занятием. И тогда не исключено, что, уяснив цели и механизмы вины, то, что она дает, и то, что она отнимает, мы обнаружим, что связанные с нею, казалось бы, “иные” переживания просто исчезнут, растают в воздухе как облака, казавшиеся при неверном освещении неприступными горными хребтами.

Вина и страх. В самом общем виде страх можно описать как активное, выражающееся в действиях желание увеличить дистанцию с человеком, воспринимаемым как источник угрозы. (Мы говорим о страхе, возникающем между людьми, ведь и вина, в основном, “имеет место” между людьми.)

В свою очередь, вина всегда предполагает возможность наказания. С этим связан известный феномен – чувство вины уменьшается после получения наказания. Иногда мы видим провокационное поведение: ребенок или взрослый как бы “нарываюется на неприятности”, и все для того, чтобы, добившись наказания себя, снизить чувство своей вины. В этом случае ослабление чувства оказывается более важным, чем страх перед наказанием. Но чаще люди продолжают жить с чувством вины, любыми способами избегая наказания. Их жизнь похожа на непрерывное бегство с “места преступления”.

Итак, возможным источником страха является желание увеличивать дистанцию с тем, кто символизирует твою виновность. Причем сама виновность при этом не вытесняется и не ставится под сомнение. А если она успешно вытесняется из сознания?

Вина и гнев. Нередко мы избавляемся от чувства вины, приписывая её другому человеку, что позволяет нам гневаться на него “виноват не я, а он” или “мне плохо именно из-за того, что во всем виноваты они”, а значит, они и заслуживают наказания. И человек берет на себя функцию “жертвы”, “прокурора”, “судьи” и даже “палача”.

Но для того, чтобы ошудить и наказать, необходимо до минимума сократить дистанцию с виновным. Страх и гнев располагаются на противоположных полюсах одной шкалы “увеличение дистанции – сокращение дистанции с другим человеком”. Одиночество на этой шкале расположено где-то в районе нулевой точки.

Вина и одиночество. Переживание одиночества “поддерживается” слабыми “колебаниями” между страхом и гневом. Отклонение в сторону страха переживается как “беспокойство”, отклонение в сторону гнева – как “раздражительность”. При одиночестве страх и гнев взаимно “гасят” друг друга, лишая человека сил. Ведь он не дает себе права ни на страх (“можно ли бояться тех, кто виноват передо мной?”), ни на гнев (“да я просто неспособен на такое “низкое” чувство” или “если я рассержусь на них, они, пожалуй, вовсе меня оставят”).

Можно сказать, что существуют два разных вида одиночества. Одно из них в большей степени обуславливается переживаниями страха и беспокойства (“я не такой, как они”, “как они меня воспримут?”). Это – “юношеское” одиночество, синдром “гадкого утенка”, недостойного чувств других людей и ощущающего себя виноватым за это, боязнь так и не получить эмоциональной близости с другими.

Одиночество в большей степени мотивируемое гневом и раздражением (“как они посмели меня покинуть?”) условно можно назвать “старческое” одиночество, за которым стоит гнев на других за то, что они лишили тебя привычной эмоциональной близости. “Погасив” свою активность, такой человек ждет ее от других. Но, проявляя ее, “другие” тут же оказываются в одной из ловушек, которую он, одинокий, построил для них, да и для самого себя. Если они боятся его гнева, то, естественно, увеличат с ним дистанцию, что усилит его одиночество. Если же станут сердиться на его пассивность, то он не “подарит” им свою вину, получив зато право на гнев (“люди такие грубые, и не хотят меня понимать” или “можно ли поддерживать отношения с такими черствыми людьми?”).

Как мы видим, несмотря на столь непохожие переживания, во всех случаях вина как их источник обеспечивает раздельность, изолированность одного человека от другого. Вина вообще уничтожает существование равенства между людьми, поскольку “обвинитель” никогда не равен “виновному”. Пока между людьми продолжается “вечный суд”, можно ли вообще говорить о равенстве?

Если мы уж вышли на метафору суда, то заметим, что развертывая свои обвинения, человек может последовательно переходить от роли “жертвы” к ролям “обвинителя-прокурора”, “судьи” и “палача”. Без первой роли невозможно перейти к следующим. Без роли “жертвы” весь “процесс обвинения” не развернется.

Изначально, “виновный” должен считать себя более сильным и самодостаточным, чем “жертва”, так как она, по определению, понесла ущерб от него, а значит, слаба, недостаточна в каком-то отношении по сравнению с ним.

Логичен эмоциональный ответ “жертвы” – потребность во мщении, ярость и гнев. Причем повод для гнева она может и не осознавать. Ребенок, втянутый в роль “жертвы”, просто видит печальные мимины глаза. Почему мама в унынии он не понимает, не станет же она в самом деле объяснять ему, что чувствует себя “ненастоящей” матерью, поскольку иногда тайно от него (три раза в неделю по три часа) ведет обычную жизнь обычного взрослого человека. И что это, по мнению психолога из какого-то журнала, называется “побегом от материнства в рбнну”. Ребенок может бессознательно заключить, что это он какой-то “не такой” или делает что-то “не то” и “не так”. А “как” надо, чтобы мама почувствовала себя радостной, – он не знает. Поэтому раздражение и каприз станут вполне адекватным ответом на материнскую подавленность. Они позволяют ребенку из пасивной роли “жертвы” перейти на более высокую и потому более привлекательную роль “преследователя”.

Не чувствуя себя в состоянии взять поведение ребенка под собственный контроль и делая замечание, а возможно и запретить что-то ему, разбушевавшемуся, такая мать скорее всего не накричит на него (поскольку нельзя злиться на того, кого ты сама “обделила любовью”), а заплачет. И тогда ребенок бросится к ней и начнет утешать: “Мамочка, не плачь, я так тебя люблю!”. На минуту он становится “спасителем”. На какой-то момент ситуация завершена. Подтверждение любви ребенка получено. Но порочный круг вины начинает свой новый оборот.

А возможно, что и сама мама, устав от чрезмерной ответственности сорвется на крик с вытекающими последствиями в форме страха за неспособность контролировать свое поведение и вины за свою беспомощность.

А ведь если посмотреть на ситуацию отстраненно, то, возможно, мы увидим, что никто никому не вредит и не ребенку. Просто эмоционально более слабым идиается пытаться поддержать временно более слабым на пути, в котором они временно идут вместе.

Многие считают постоянное чувство вины синонимом совести, основным нравственным регулятором обществ, иногда даже не зависящим от конкретных мыслей и действий людей (вина за “первородный грех”). Вина такого рода, с этой точки зрения, неугасима, ее невозможно простить, ее можно только до бесконечности искупать без надежды на окончательное искупление, решение о котором лежит вне человеческих возможностей. И нравственным является лишь бесконечное продолжение искупающего поведения. Тех же, кто так не действует, вполне можно осудить, удовлетворив свое стремление к правосудию, и впоследствии, по возможности, наказать.

Часто неугасающая вина появляется у человека в результате особых событий его жизни (развода или разрыва отношений, смерти ребенка). Но независимо от того, каков источник этого чувства – всеобщий грех человечества или особенности личной истории, – оно неизбежно вызывает сильные переживания и непрерывное, часто возрастающее по объему и глубине искупающее поведение.

Не будем далее углубляться в этот вопрос, так как это отдельная тема, и здесь она поднята лишь для того, чтобы осветить одну из граней чувства вины как результата ошибки, сделанной человеком. Мы исходим из того, что вины и переживания человека являются следствиями мыслительных процессов. А раз так, то поведение и переживания не бывают ошибочными, ошибки совершает мышление. Поэтому и исправлять их надо там, где они возникают. Искать надо там, где потеряли, а не там, где светлее.

Критерий, различающий неугасимую, ложно направленную вину, вину и вину-ошибку, прост. Если, несмотря на искупающее вину поведение, это чувство как минимум не уменьшается, и как максимум растет, то человек скорее находится в переживании “ужасной” вины. Если же исправление ошибки мышления, коррекция переживаний и поведения приводит к исчезновению чувства вины, значит убеждения человека соответствуют представлению о вине как об ошибке, не затрагивающей положительную его сущность.

Осознав вину-ошибку, можно исправить последствия своего поведения, которое несомненно задело человека, перед которым вы чувствуете себя виноватым. Извинитесь перед ним (действие из-вины), попросите о прощении и, конечно, не допустите подобных ошибок в будущем. Не все эти действия могут быть совершены в силу разных ситуаций, но последние два могут быть совершены при любых обстоятельствах, ведь они целиком зависят от разума человека.

Повторим, что эти действия следует осуществлять после того, как вы взвесили ещё раз истинность или ложность своих убеждений. В случае, приведенном в начале статьи, маме, прежде всего надо понять ложность или истинность заимствованных из массовой культуры убеждений. Если она поймет их ложность, то и вины не будет и в искупающем вину поведении просто отпадет необходимость. Если же она будет настаивать на их истинности, то есть большая вероятность того, что искупая свою вину она может, например, бросить для этого работу. Но тогда у нее возникнет чувство вины уже перед самой собой. А постепенно, увы, восстановится чувство вины и перед ребенком уже за то, что ей плохо с ним.

Могут возразить: если в реальности не всегда можно попросить прощения у другого, а вы предлагаете делать это мысленно, фактически не получая обратной связи, то не бессмысленно ли это? Не стоит недооценивать “невидимую” мысль, ведь вся наша цивилизация возникла из “невидимого” разума. Попросить прощение важно независимо от того получишь ответ или нет. Ведь мы делаем это не только для другого человека, но и для себя. Всякое действие или действие мы делаем мы всегда совершаем и по отношению к себе. Здесь уместным было бы переформулировать еще раз “золотое правило” нравственности: “То, что ты делаешь другому, ты делаешь себе”. Это сильно упрощает принятие наших решений.

Итак вина, включающая и детско-родительские отношения, и отношения между взрослыми людьми всегда предполагает отношение к другому человеку как к субъекту отношения”, так как субъект внутри нас все же не человек, а некий образ, персонаж). Но пока мы говорим о простом случае, когда субъект – внешний и воспринимаем вне нас.

Как возникает чувство вины перед другим человеком? Мы предполагаем или знаем о его ожиданиях относительно нас и нашего поведения. И мы согласны с этими ожиданиями, а значит, согласны с тем, что от нас можно ждать именно этого. Но, признавая свободу выбора, поступаем иначе, и возникает чувство вины.

Идея о конфликте между ожиданиями другого и нашим поведением как источнике вины принадлежит Юрию Михайловичу Орлову, выдающемуся отечественному психологу и психотерапевту, недавно ушедшему из жизни. Каждый из нас имел в прошлом тесные отношения с Юрием Михайловичем. Мы многому научились у него и хотели бы, пользуясь случаем, напомнить читателям о нем.

Знание того, что неизбежно приводит к рождению чувства вины, открывает известные возможности для психотерапии этого чувства.

Попробуйте написать (именно все!) ожидания человека к вам. Попытайтесь оценить согласны вы или нет с каждым из них. Таким ли уж очевидным оказалось согласие?

Оцените степень непротиворечивости, согласованности одних ожиданий с другими. Возможно, вы удивитесь, сколько малой может оказаться эта степень. Это не всегда так, и имейте в виду, что на вас может обрушиться масса несогласованных друг с другом ожиданий.

А какой смысл другому обрушивать на вас множество противоречий? Думаем, что не затем, чтобы вы их все удовлетворили, тем более что это зачастую и невозможно в силу их несогласованности, неадекватности и завышенности. Так зачем же? В надежде на то, что вы проглотите целиком всю эту плохо переваренную массу и гарантированно будете иметь чувство вины, через которое вами будет легче управлять. А если предположить, что вам удалось удовлетворить все ожидания другого человека. Означает ли это, что он будет относиться к вам так, как вы этого хотите?...]

Р.С. Трудно было комментировать приведенный в начале случай, не сказав прежде о главном. Это как раз та ситуация, когда лучше позже приехать в нужное место, чем раньше, но в ненужное. С виной торопиться нельзя, мы слишком долго жили с ней, нигде от нее не торопясь...

ДВЕ РЕПЛИКИ ПО ПОВОДУ ЧУВСТВА ВИНЫ*Маргарита Жамкочьян**– исследователь в области психологии личности, практикующий психотерапевт, автор наиболее известной в России адаптации 16-факторного личностного вопросника Р.Кэттелла. Благодаря ее переводу российскому читателю стал доступен замечательный учебник по психологии личности – книга Л.Первина и О.Джона “Психология личности: теория и исследования” (М.: Аспект Пресс, 2000).*

Всегда ли вина предполагает возможность наказания? Ведь чувство вины и есть самое настоящее наказание, наказанию которому мы подвергаемся со стороны нашего “Сверх-Я”, если пользоваться терминологией Фрейда. Нам не обязательно совершать “ошибки” (весьма сомнительное в устах психолога слово), чтобы испытывать чувство вины, мы наказываем себя в собственном воображении за “дурные” мысли, за отклонение от нравственных идеалов и образцов. “Сверх-Я” не отличает воображения от реальности, и его единственная санкция – это переживание либо вины и стыда, либо гордости и радости. Наказание потому и снижает чувство вины, что осуществляется в реальности и тем самым делает ненужным переживание этого чувства. Отсюда действительно парадоксальный поиск “реального наказания” – бессознательное стремление причинить себе физический вред (от сломанной руки до раковой опухоли) или напроситься на санкции со стороны окружающих. Подобное чувство вины может разъедать душу, поэтому его часто называют ядовитым. Вера Лосева и Алексей Луньков назвали его неизбежным. Чувство, которое всегда с тобой.

Есть несколько вечных тем, в которых от вины никуда не деться, хотя трудно найти виноватых. И напрасно авторы ругают журналистов и пописывающих о том, о сем психологов, что, мол, это они внушили родителям миф о безграничной и безусловной любви, которой те не в состоянии соответствовать. “Покидание” ребенка на час или навсегда – это вечная драма жизни. Причем драма бесшумная, тайно протекающая долгие годы. Милая женщина двадцати с лишним лет все свои беды относил к одному моменту: ей 4 года, мать оставила ее ждать у магазина. Сколько уж пришлось ей ждать, неизвестно, но девочка успела пережить страшную мысль, что мать ушла, бросила ее и никогда не вернется. С тех пор прошло много лет, но дочь не может простить матери этого эпизода, хотя с ней ни разу об этом не говорила.

В драме “покидания” и мать, и ребенок полноправные участники. И в случае, о котором мы только что прочитали, мама, тайком сбегающая на работу, не просто “обижает” своего невинного ангелочка и потом мучается чувством вины. Она вступает в активное взаимодействие с другим участником драмы, который требует, судит и наказывает.

Современный психоанализ обнаружил связь многих взрослых проблем с типом привязанности матери и ребенка в раннем возрасте. А тип привязанности определяется по реакции ребенка на уход и появление матери. Плачет он, когда она уходит, и спокойно и радостно встречает, когда она возвращается, продолжая играть в свои игры, – нормальная, уверенная привязанность. Плачет, когда уходит, и плачет, когда приходит, цепляясь за нее, – тревожная привязанность. Не плачет, когда уходит, но когда приходит, реагирует агрессивно (бросается в объятия и тут же бьет или плачет; просится на руки и тут же вырывается) – тревожно-амбивалентная привязанность.

Ревность, страх близости, доверие к партнеру, которые переживает взрослый человек в самой большой своей любви, – родом из детства, из этого неизбежного процесса “покидания” матерью своего маленького ребенка. Так что вина эта не иллюзорна и не может быть “вынута” как заноза. Она требует изменения взаимодействия, для чего разрабатываются специальные приемы коммуникации.

Другая реплика относится к стремлению свести негативные чувства – страх, вину, беспокойство, одиночество и даже гнев – к какой-то одной оси. Думаю, это сильно уплощает ситуацию, даже если и звучит убедительно. Теряется специфика эмоциональных переживаний – стыда, вины, страха. Как, например, объяснить, что по Эриксону, чувство вины (не страх, не стыд) противостоит инициативе: в возрасте приблизительно от четырех до шести лет ребенок принимает на себя роли взрослых в воображаемых и игровых ситуациях. В игре, как в театре, проявляется и находит свое разрешение чувство вины. Если подавлять в это время свободную инициативу ребенка и ставить моральные запреты, мы затрудняем творческие способы изживания вины.

Четырехлетняя девочка лежит на диване и обращается к матери:

– Мама, ты знаешь, о чем я сейчас думаю?

– Нет, солнышко, не знаю.

– Вот и хорошо.

В одном из примеров Эриксона мать сообщает своему четырехлетнему сыну, который пытается ее задеть: “Тебе бы, наверное, хотелось влезть на меня верхом и побегать по мне?”. Ребенок просиял и охотно согласился, а потом спросил: “А можно?” – “Конечно, нет”, – спокойно ответила мать. Она разрешила ему фантазировать, но четко развела свободу воображения и необходимость взаимности в реальном взаимодействии. Ведь мы помним, что “Сверх-Я” само по себе не отличает воображения от реальности. Его еще надо научить.

Мы внутри себя разыгрываем драмы, и хотя часто они недоступны другим, необходимо игровое общение, чтобы драматические разработки развивались. Получается, что склонность к чувству вины, то есть склонность к самоосуждению, будь то поступок в фантазии или наяву, противостоит способности к инициативе – способности замышлять и действовать в соответствии с замыслом. Но как раз по этим качествам наблюдаются самые заметные различия между такими обществами, как американское и российское.

По результатам многолетнего сопоставления данных по 16-факторному личностному опроснику Кэттелла, с помощью ответов на вопросы которого психологи описывают основные черты личности человека, два фактора дают самые большие отличия. Смелость, рисковость выше у американских студентов, склонность к чувству вины выше у российских студентов, что замечательно подкрепляет выводы Эриксона, совершенно не очевидные на первый взгляд. Это, с одной стороны, заставляет думать о преобладании в нашем обществе ритуалов морализаторства, а не игры, а с другой стороны, о том, что столь ценящая в американском обществе инициативность вовсе не является для нас позитивной нормой. Как говорил один из персонажей фильма “Покровские ворота”: “Живут не для радости, а для совести”. |

ОНИ ЗАГОВОРИЛИ... *Сергей Степанов*
 – психолог, написавший дюжину книг о своей любимой науке (“Законы психологии”), о людях, которые ее создали (“Психология в лицах”), и просто о людях (“Язык внешности”, “Человек при деньгах” и др.). А теперь решил написать и не о людях, вернее – не только о них.

Несколько центральных газет, словно соревнуясь друг с другом, в последние месяцы публикуют сенсационные сообщения об открытии американских ученых: “Обезьяна заговорила”. Журналистам, стремящимся побаловать читателей горячими новостями, невдомек, что этой “сенсации” не один десяток лет. Просто на информационных лентах появилось очередное сообщение об экспериментах, которые проводятся в рамках научного проекта, начатого в середине шестидесятых. Эти работы с переменным успехом ведутся по сей день, иногда поражая мир невероятными открытиями, которые при внимательном рассмотрении оказываются иллюзиями, порождающими больше вопросов, чем ответов.

Однако все новые и новые “сенсации” всякий раз потрясают не обремененные научными знаниями умы широкой общественности. Вот и на сей раз не обошлось без того, чтобы устроить некий социально-правовой фарс, причем, как водится, с самыми благими и серьезными намерениями. На Западе ширится теперь кампания за предоставление шимпанзе, орангутанам и гориллам... гражданских прав! Организаторы кампании настаивают на том, что у этих обезьян должны быть законодательные гарантии, что с ними не будут обращаться жестоко и унизительно, не станут использовать в “бесчеловечных” экспериментах. Ведь обезьяны, как якобы свидетельствуют научные данные, все понимают и обладают многими человеческими качествами. Например, чувством собственного достоинства.

Американский зоопсихолог Роджер Фуотс свою статью в одном из последних номеров журнала *Psychology Today* недвусмысленно озаглавил “Мой лучший друг – шимпанзе”. А может быть, он по-своему прав, описывая в сентиментальных тонах свои трогательные отношения со зверем, который “почти как человек”, а то и “совсем как человек”? Может, и правда, стоит повнимательнее присмотреться к нашим “младшим братьям по разуму” и даже чему-то у них научиться?

Сама по себе эта идея не нова. Исследования поведения животных, в том числе высших обезьян, ведутся много лет. Зачем? Пожалуй, даже не столько затем, чтобы понять их, скорее – самих себя. Мы никогда не поймем до конца человека, если не будем рассматривать его как звено в цепи живых организмов. Но тут для научного анализа наиболее важны не столько поведенческие параллели, сколько сугубо человеческая специфика, которую легче всего познать в сравнении. Правда, при этом существует опасность скатиться к позиции, известной как антропоморфизм, то есть начать трактовать поведение животного по аналогии с человеческим, игнорируя принципиальные различия. Похоже, именно это и происходит сегодня с “политкорректными” американцами. Однако разберемся по порядку, что же все-таки удалось установить на самом деле.

21 июня 1966 года супруги Роберт и Беатрис Гарднер начали в университете штата Невада замечательный эксперимент. Они поставили перед собой задачу научить обезьяну человеческим формам общения. Объектом приложения их “педагогических” усилий стала шимпанзе Уошо.

Попытки такого рода предпринимались задолго до супругов Гарднер, однако именно этим американским психологам удалось за счет принципиально нового подхода впервые добиться в этом начинании определенных успехов.

Еще в 1916 году английский исследователь В.Фернесс, пытавшийся обучить орангутана английскому языку, писал: “Кажется почти невероятным, что в мозге животных, столь похожих на нас физически, отсутствует элементарный речевой центр, который нуждался бы только в развитии. Я предпринял серьезные попытки в этом направлении и все еще не прекращаю их, но не могу сказать, что результаты обнадеживают”.

В 30-е годы психологи, супруги Кэллог, воспитывали в домашних условиях шимпанзе по кличке Гуа, который рос вместе с их маленьким сыном Дональдом. (Подобную попытку, хотя и не столь впечатляющую, поскольку обезьяна и дитя воспитывались не совместно, предприняла в нашей стране Н.Ладыгина-Котс.) Они обнаружили, что в отличие от человеческого ребенка у шимпанзе отсутствовали разнообразные “гуления” и лепет. Уинтроп Кэллог считал, что раз большое влияние на формирование общения оказывают начальные стадии развития, то в этот период, вероятно, психику и коммуникацию шимпанзе можно модифицировать в нужном направлении, “очеловечивая” животное. Увы, на практике медаль опыта повернулась к Кэллогам обратной стороной – шимпанзе Гуа начал влиять на поведение их сына. У мальчика, который дни напролет играл с Гуа, задерживалось развитие речи – усевшись за обеденный стол, он кричал, как шимпанзе, при виде пищи и даже обгрызал кору с деревьев... Опыт пришлось прекратить, Гуа отправили в зоопарк.

Казалось, последнюю точку поставили опыты Кейта и Кэтрин Хейес. Воспитывая в семье самочку-шимпанзе Вики, все, чего они смогли добиться, это научить Вики “произносить” несколько простых слов: “мама”, “папа”, “чашка”, “вверх” (по-английски едва различимых на слух: “mop”, “pap”, “cup”, “up”).

Но Вики сама изобрела звуковые способы доводить до приемных родителей свои желания. Чтобы покататься на автомобиле, она приносила карточку с изображением машины. Когда люди устали от слишком частых поездок и спрятали карточки с автомашинами, Вики принялась вырывать рисунки автомобилей из журналов и книг и предьявляла их в качестве “билетов на проезд”.

Просматривая фильмы о Вики, Роберт и Беатрис Гарднер пришли к мысли: а что если шимпанзе обучить языку жестов, которым пользуются глухонемые? Так и возник “проект Уошо”. Как бывает почти со всякой интересной идеей, она пришла в голову исследователей и раньше в Советском Союзе, в харьковском зоопарке, еще на рубеже 30-40-х годов Л.Уланова пыталась обучать макаку-резуса жестам, обозначающим различные виды пищи. Война оборвала этот опыт.

А вот Уошо вскоре и правда “заговорила”. Сперва это были отдельные знаки, а потом и сочетания. Она выучилась строить, например, такие высказывания: “достать одеяло”, “есть фрукт”. Затем подошли результаты опытов, которые проводил психолог Дэвид Примак. Он взял за основу языка не жесты, а систему фишек, размещенных на магнитной доске. Тренировка начиналась с того, что обезьяну обучали прикреплять на доску символ, за что она получала обозначенное символом лакомство. Постепенно шимпанзе Сара научилась составлять фразы типа: “Если Сара взять яблоко, то Мэри дать Сара банан”. Похоже было, что она понимала замещающую природу символа, когда описывала жетон “яблоко”, отличавшийся от реального яблока цветом и формой, знаками-прилагательными “красный” и “круглый”. Выбрав момент, Сара похищала фишки и в одиночестве проигрывала варианты предложений. Было над чем задуматься.

Под впечатлением этих работ Дуэйн Румбо и его сотрудники начали диалог с шимпанзе посредством компьютера. (Кстати, последняя газетная сенсация на эту тему инициаторована его супругой – Сью Сэвидж-Румбо.) В комнате обезьяны помещалась панель ЭВМ, на клавишах которой были нанесены лексикограммы (значки-обозначения действий и разных видов пищи или других поощрений, от щекотки до кинофильма: обезьяны, совсем как люди, приходят от того и другого в одинаковый восторг). Компьютер запинал каждое предложение шимпанзе (например, последовательность нажатия клавиш: “пожалуйста”, “машина”, “показать”, “кино”) и “выполнял” просьбу, лишь когда она соответствовала “грамматике” – узаконенному выводу нажатий. Результаты оказались поразительными. Молодым шимпанзе Шерману и Остину удалось даже провести диалог через компьютер. Шерман, в комнате которого лежали инструменты, получал сигнал от Остины, находившегося в соседней комнате (у него не было инструментов, зато был закрытый ящик с пищей), передать определенный инструмент. Остин открывал с помощью этого инструмента ящик и делился добычей со своим собеседником. Румбо считал, что компьютер, который позволяет точно вычислить долю “речи” в хаосе случайных нажатий, объективнее, чем киносъемка жестового разговора обезьяны с человеком.

Надо сказать, что волна “языковых” проектов вызвала скептическую реакцию со стороны многих лингвистов и психологов. Объяснить это можно тем, что большинство из них в ту пору под влиянием теории психолингвиста Ноэма Хомского считали, что языковая способность человека задана в его генах и подобно физиологическому органу вырастает спонтанно, по записанной в генах программе.

Некоторые критики обрушили на зоопсихологов убийственные аргументы: сравнивали обезьяний язык с человеческим, литературным – результатом тысячелетий исторического развития. Другие подошли к этому вопросу осторожнее. Например, Эрик Леннеберг предложил доказать на примере, что шимпанзе огуло разговаривать. То, что обезьяны “называют” отдельные предметы, еще ни о чем не говорит, полагал Леннеберг. Обычный условный рефлекс, на который способны и собаки, и голуби. Вот если, скажем, обезьяна правильно расфигурет команду “Положите сумку и тарелку в ведро” (то есть поймет, что союз “и” относится к сумке и тарелке, а предлог “в” – к ведру), то можно говорить о каких-то зачатках языковых способностей.

Это, однако, была единственная практическая рекомендация со стороны критиков. Некоструктивный скептицизм лингвистов породил ответную реакцию зоопсихологов. Так, профессор Колумбийского университета Герберт Террейс реакцию вызовов обезьяны “врожденной языковой компетенции” Ноэма Хомского. В 1973 году Террейс начал проект, героем которого стал шимпанзе с ироническим именем Ним Шимпский. “Я выбрал это имя, – писал Террейс, – в честь известного лингвиста, отстаивающего тезис о врожденности человеческого языка. Конечно, в глубине души я осознавал эффект, который мог возникнуть, случись Ниму в действительности создавать предложения”. Полный оптимистических надежд, Террейс поместил обезьяну в лабораторию и начал интенсивные занятия с помощью глухонемых тренеров.

1979 год стал для участников “языковых” проектов с антропоидами годом идейного раскола. Его началом выступило “отступничество” Террейса. Разбираясь в видеозаписях жестикулирующего шимпанзе, он обратил внимание на жестовую речь обучающего человека. И тут открылось, что Ним в своих ответах повторяет большинство знаков, которые перед этим встречались во “фразе” тренера. Это прозвучало как гром среди ясного неба. Обезьяны не общаются с человеком, а просто “обезьянничают”! Обнаружив, что чем больше она подражает человеку, тем скорее получает лакомство, и вставляя подходящие для всех случаев жесты “Ним” и “мне”, обезьяна фактически говорит по подсказке и создает впечатление диалога.

Предчувствуя, что ответственность за столь прозаичное объяснение может быть возложена на несостоятельность его методики, Террейс проанализировал фильмы Гарднеров об Уошо и пришел к выводу, что Уошо тоже получала подсказку от своих учителей. Возмущенные Гарднеры не дали Террейсу разрешения использовать в своих докладах их материалы.

В мае 1980 года в нью-йоркском отеле “Рузвельт” состоялась конференция, проходившая под эгидой Академии наук. Приглашенные на нее иллюзионисты и дрессировщики поставили зоопсихологов в довольно неловкое положение. Из всех притворчиво рассматриваемых фактов вытекал неутешительный вывод: лингвистические эксперименты с антропоидами можно разделить на две категории – прямая подделка фактов и неумышленный самообман. Гарднеры предусмотрительно отказались от участия в конференции.

Тем не менее впечатляющие эксперименты продолжают по сей день, будоража умы обывателей, не знакомых с историей вопроса.

В рассказе Франца Кафки “Доклад академии” обезьяна, которая освоила человеческий язык, делает сообщение перед научным сообществом о своем чудесном превращении. В XX веке кое-где в известном смысле удалось “Кафку сделать былью”. Но говорящая обезьяна пока так и остается в плодом художественного вымысла.

Более того, совершенно очевидно, что аналогия только метафора. Тут уместно вспомнить результаты, полученные уже упоминавшейся Н.Ладыгиной-Котс, опубликованные ею в книге “Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях” и так по сей день никем убедительно не опровергнутые. Наряду с тем, что Ладыгиной-Котс удалось было показать сходство между психикой обезьяны и человека, определяемое единством развития жизни в процессе эволюции организмов, она тем не менее убедительно продемонстрировала отличия конкретно-чувственного мышления шимпанзе, основывающегося на использовании пространственно-временных связей, от абстрактного обобщенного мышления человека, вскрывающего причинно-следственные связи. Вывод: основные психические процессы человека и приматов качественно различны; эти различия определяются существованием человека в социуме, то есть качественно своеобразная психическая жизнь человека социальна по своему происхождению и по своей сущности.

Тем не менее некоторые научные данные и новые, полученные в ходе опытов над животными, могут оказаться по-настоящему поучительны. Наверное, самый яркий пример – опыты Гарри Харлоу по воспитанию обезьянок с помощью “суррогатной матери”, позволившие по-новому оценить механизмы формирования эмоциональной привязанности. Сегодня этот эксперимент, навряд ли весьма далекие от зоопсихологии размышления, описан во многих учебниках.

Согласно бытовавшему долгое время представлению, привязанность любого детеныша к матери обусловлена тем, что эту функцию источником удовлетворения потребности в пище Харлоу проверил мать гипотезу о том, что шимпанзе предпочитают материнское молоко, содержащихся с рождения в изоляции, двумя манекенами разного типа. Первый манекен представлял собой полый цилиндр, сделанный из железной проволоки и снабженный соской; сверху к цилиндру было прикреплено грубое подобие головы. Второй манекен был обтянут мягким плюшем и снабжен обогревающим устройством, которое поддерживало температуру, близкую к температуре тела. Исследователи измеряли время, проводимое детенышами на каждом из двух манекенов, а также их реакции по отношению к манекенам в новой, непривычной обстановке, порождающей беспокойство.

Результаты прямо противоречили традиционной гипотезе. Малыши привязывались исключительно к противному манекену, а к проволочному подходили только для того, чтобы покормиться. Таким образом, становилось очевидно, что приятное чувство от соприкосновения с теплым предметом, даже если это только физический контакт, играет главную роль в формировании привязанности.

Самое резкое различие между детенышами, один из которых рос в контакте с плюшевым манекеном, а другой – с проволочным, касалось поведения в новой для них ситуации. Первый сравнительно быстро начинал исследовать обстановку, возвращаясь бегом к своей “матери” каждый раз, когда пугался чего-либо; второй же замирал и не мог сдвинуться с места ни на шаг. Контакт с теплым предметом, видимо, способствует выработке чувства безопасности и уменьшает стресс, возникающий в неожиданных ситуациях. У детеныша при “матери” из железной проволоки эмоциональное напряжение усиливалось с каждым днем.

Тем не менее воспитанная плюшевой “матери” никогда не могла сравниться по гармоничности своего поведения с малышами, воспитанными родной матерью. Многочисленные трудности проявились, в частности, при социальных контактах, в которых пришлось впоследствии участвовать детенышам, выросшим в изоляции. Сильно затрудненными оказались отношения с другими молодыми обезьянками, в особенности с половыми партнерами, а сама не умела “нормально” общаться со своими детенышами. ...Иной раз среди детей видишь выращенных “проволочной” или “плюшевой” мамой. И всегда узнаешь ребенка настоящей мамы... |

Если Вам интересны результаты исследований поведения высших животных, советуем заглянуть: персональная страничка шимпанзе с красивым японским именем Ai (любовь): www.pri.kyoto-u.ac.jp/koudou-shinkei/shikou/chimphome/index-E.htm научная лаборатория школьников: www.nsu.ru/materials/ssl/distance/Biology отчет о пресс-конференции шимпанзе Коко: www.mega.kemerovo.su/WEB/HTML/11857.htm сайты с разнообразной информацией о приматах: <http://semens.newmail.ru/jiv30.html> www.zooinform.com www.net-ru/~chimps www.dancor.sumy.ua www.infoart.ru www.imbp.ru

СПАСТИ ВРЕМЯ

Расселл Кирк

-американский культуролог, политолог, историк и публицист, по праву считается одним из интеллектуальных столпов современного американского консерватизма. Его фундаментальный труд

“Консервативное мышление”, выдержавший множество переизданий, – наиболее авторитетная работа по данной теме.

Компьютеры рассчитаны на то, чтобы ослабить индивидуальный разум и сделать большинство из нас зависимыми от элиты программистов, – предупреждал известный американский культуролог еще десять лет назад

Один из самых тяжелых недугов образования – готовность принять любое новейшее изобретение (механического или интеллектуального свойства) в ущерб проверенным педагогическим орудиям. Некоторые читатели, может быть, помнят, как в 50–60-е годы нам говорили, что аудиовизуальные средства в значительной мере заменят собой учителя. Мы потратили огромные государственные средства и завалили практически все американские школы кинопроекторами и звуковыми системами. По большей части вся эта техника была вскоре закрыта в кладовых, где и покоилась до тех пор, пока не устарела. На продаже этого оборудования некоторые фирмы сделали немалые деньги. Эффективное же обучение по-прежнему осуществляется преподавателями и учителями, а не телевизорами, пленками, записями или кинопроекторами.

Телевидение, конечно, произвело революцию. Но может ли кто-нибудь сейчас по-прежнему утверждать, что “ящик” повышает интеллект молодежи? Безусловно, телевидение открыло дорогу дальнейшему продвижению информационной революции. Его апологеты говорили нам когда-то, что их детище сформировало умы “самого информированного поколения в истории Америки”. Но оно сформировало умы и самого невежественного поколения в истории нашей страны. Как заметил один мой остроумный друг, “это поколение людей с птичьими мозгами”. Он не хотел сказать, что у нынешней молодежи объем мозга приближается к птичьему, нет, но, глядя на мерцающий экран телевизора, современные молодые люди порхают, как птички, с цветка на цветок, никогда не останавливаясь ни на чем достаточно долго, чтобы узнать что-нибудь важное.

“Программированное обучение” – следующий шаг к информационной революции – в целом пока плохо сработало. Куда более удовлетворительные результаты подлинного развития молодых умов дает старый способ: когда человек разговаривает с другими людьми и когда используется такое древнее орудие, как книга.

Подлинное образование не может быть смесью информации, случайным набором фактов, оно всегда дает целостную и упорядоченную совокупность знаний, развивает философскую привычку ума, которая дает человеку возможность найти путь к разного рода мудрости. Несомненно, развитие компьютеров принесет различные материальные блага. Но в том, что касается подлинного образования, компьютер и его информационное общество могут быть губительны. Они, мне кажется, рассчитаны на то, чтобы ослабить индивидуальный разум и сделать большинство из нас зависимыми от элиты программистов. Они могут превратиться в серьезные противники философской привычки ума. Конечно, многое зависит от того, как запрограммирован компьютер, кто составлял его программу и с какими намерениями, но человек, принимающий полученную информацию как божественное откровение, вскоре превращается в раба, сам становится механизмом.

Нам говорят, что компьютеры помогают в некоторых случаях повысить обучаемость. Различные районы соперничают в том, чтобы первыми ввести обязательные компьютерные курсы в школах или найти средства для компьютеризации детских садов. Сотрудники Национального института образования вставили в доклад Комиссии по образовательным стандартам похвалы “компьютерной науке”; они даже сделали эту мнимую науку, наряду с английским, математикой, естественными науками и социальными исследованиями, одной из своих “пяти новых основ”, рекомендованных всем школам.

Оснований возражать против обучения пользованию компьютером в школе или дома, безусловно, не больше, чем возражать против того, чтобы человек учился печатать на машинке в школе или дома. Но разве кто-нибудь говорит о преподавании в начальной школе науки печатания на машинке? Мы что, должны возвысить пользование компьютером до уровня истинных наук, которые в докладе комиссии свалены в одну кучу?

Разработка электронных компьютеров – результат развития подлинных наук – физики и математики. Если мы хотим быть хозяевами компьютера, а не его подданными, нам нужно знать физику и математику. Иначе мы превратимся в пассивные существа, в лучшем случае в умелый обслуживающий персонал. И если акцент делается на умении пользоваться компьютером в ущерб серьезному изучению физики и математики, то источники, питающие научное воображение, могут пересохнуть. Это страстное стремление сделать “компьютерную науку” обязательной практически для всех очень похоже на то, как если бы, когда Морзе изобрел телеграф, от каждой школы потребовали выделить большую долю времени и средств на обучение молодых людей работе телеграфиста. Разве компьютерный бизнес, как и промышленность в целом, не может гонимый своей собственным технический персонал?

Тем не менее различные мнимые высшие учебные заведения уже присягнули на верность Святому Компьютеру. Некоторые сделали курс компьютерной науки обязательным для получения диплома. “Актуальность” – это все, даже когда она совершенно не актуальна для философской привычки ума.

Один из французских журналов взял интервью у доктора Джозефа Вайзенбаума. Профессор Вайзенбаум был одним из пионеров, изобретавших компьютер: он разработал компьютерную программу “Элиза”, с помощью которой компьютер “разговаривает” с человеком. Вайзенбаум не рад бурным восторгам по поводу компьютеризации обучения.

“Мода на домашние и школьные компьютеры, – сказал он, – которая производит сейчас такой фурор в Соединенных Штатах, а также в Великобритании и во Франции, наносит вред. Сейчас придумали новый людской недуг, точно так же, как в прошлом создатели патентованных лекарств выдумывали болезни вроде “усталости крови”. Теперь такой болезнью стала компьютерная неграмотность. Нам говорят, что будущее за теми, кто знаком с компьютером. Как это было бы смешно, когда бы не столько жертв среди ни в чем не повинных людей. Это напоминает мне старую моду на энциклопедию: “Если вы купите энциклопедию, – утверждал продавец, – ваш ребенок будет лучше учиться в школе и преуспеет в жизни”. И, конечно же, родители покупали. Но энциклопедия редко открывалась и вскоре оказывалась похороненной на книжных полках”.

Компьютер сам по себе препятствует творческому развитию ребенка, – считает профессор Вайзенбаум, – не усиливает он и способности ребенка к решению задач. Судя по всему, чем больше человек знает об обучении с помощью компьютера, тем более низко мнения о нем у его возможностей.

Психотерапевт Крейг Брод указывает, что пропагандисты компьютера видят свою задачу в обучении формальной, математической логике в раннем возрасте. Но, как заметил святой Амвросий, Богу не было угодно, чтобы человек спасся с помощью логики. Брод напоминает, что формальная логика – лишь один из девяти способов познания, которые развиваются у детей, и чрезмерный акцент на одном из способов может затормозить развитие других. “Когда они оказываются вне своего компьютерного мира, – пишет Брод о детях, которым навязали искусственную модель, – они обнаруживают, что их техническое мастерство не имеет существенного значения, а их способность общаться с другими людьми ослаблена. Никто не доказал, что умение написать хорошую программу для компьютера помогает человеку вести себя более мудро или разумно в реальном мире. Более того, то, что рационально в компьютерной программе, скажем, эффективность и краткость, может оказаться иррациональным, когда человек руководствуется этим в отношениях с другими людьми”.

В некоторых колледжах уже более трети студентов младших курсов специализируются или собираются специализироваться в компьютерной науке, хотя процент отсева в этой категории молодых людей весьма высок. Их привлекают многообещающие возможности доходных мест в процветающих компьютерных отраслях промышленности и, возможно, их собственная страсть к видеоиграм. И они воображают себе, что владение компьютером дает власть.

Пристрастие к компьютеру растет за счет гуманистического образования, и если зайдет достаточно далеко, то придет к собственному краху. Изобретательные ученые, давние нам компьютерные мастера, не были продуктом компьютеризированной системы образования. Способности их разума и воображения развивались на основе старых дисциплин, не имеющих отношения к электронным механическим устройствам. Ни в школе, ни в колледже, ни в университете их не ограничивали одним способом познания. Если идеи информационного общества восторжествуют, то компьютерное мышление станет фактически всеобщим среди молодого поколения. Тогда у нас больше не будет творческих ученых и не будет гуманитариев и литераторов. Тогда действительно можно будет говорить, что информационная революция свершилась, то есть мы прошли полный круг, и революция пожрала своих детей, как это имеют обыкновение делать все революции.

Брод очень хорошо говорит об этом: “Под этой гонкой за компьютеризацию образования скрывается тенденция более глубокая. Модель образования как переработки информации постепенно становится новой педагогической нормой. Эта модель утверждает, что мозг в основе своей – перерабатывающий данные компьютер. Знание и учение можно свести к “эффективным процедурам”, что очень похоже на компьютерную программу. Потому мозг ребенка должен принимать любые “правильно отформатированные” данные. В последнее время из-за падения уровня оценок учеников и сомнений в отношении образовательных стандартов школы вынуждены были держать оборону. А модель обучения как процесс переработки информации предлагает учебным заведениям возможность вернуться к прежней респектабельности”. Сами же создатели компьютеров не пострадали от подобной педагогической методики; их не подвергли “правильному форматированию”. Слава Богу, их умы не были компьютеризированы.

Когнитивные психологи, рекламируя модель мозга человека как компьютера, подчеркивают преимущества скорости, надежности, единообразия и эффективности, – отмечает Крейг Брод. – Учителя и ученики взаимодействуют конкретным и предсказуемым образом. Педагогов легче контролировать, потому что учителя больше не должны удовлетворять требованиям гуманистической модели, они служат комбинированной ролевой моделью: развлекают, играют роль родителя, психолога, друга и мастера педагогически перестать быть. Про все наоборот: на самом деле профессия учителя может фактически перестать быть профессией – совсем не нужно иметь годы опыта и безграничную интуицию, чтобы преподавать по подробному поэтапному плану урока”.

Компьютеризация может уничтожить преподавание; она может уничтожить и мышление, и воображение. Ее цель – производить “логические” интеллекты, эффективные в работе с компьютерами и подчиненные компьютерам. Но подобный интеллект – это рабский интеллект.

Общество, где господствует компьютерное мышление, могла бы управлять только элита компьютерных гениев, превосходящих в мудрости Аристотеля, Фому Аквинского и Фрэнсиса Бэкона. Но откуда же возьмутся такие дивные программисты? Ум людей, предлагающих нам компьютерную теорию человеческого интеллекта, не отличается особым величием; скорее, для этих людей характерны, если воспользоваться фразой английского философа Эдмунда Бёрка, “холодность сердца и путаница в мыслях”. (Хочу подчеркнуть, что я здесь четко отделяю фанатичность компьютерного образования от одаренных творческих воображением ученых.) Более того, компьютеризированный народ был бы расой, в которой интеллект высшей пробы были уничтожены с корнем. Так что давайте не будем слепо принимать на веру то, что нам говорят об информационном обществе. Ведь только *humanitas*, как называли эти дисциплины римляне, воспитывает разум и воображение, в том числе и научное. Так, великая гуманистическая литература в соединении с религиозным импульсом сделала реальностью то, что Пико делла Мирандола называл достоинством человека, в котором люди лишь немного уступают ангелам. Безрассудная страсть к компьютеризированному мышлению и компьютеризированному обществу способны привести к дегуманизации.

Волны технологических новаций обычно приносят с собой много всякого мусора. Идеологические бури 60–70-х вывели на пляжи Академии отвратительную гору такого хлама, и мы только еще начинаем оправляться от того ущерба, который нанес философской привычке ума этот шторм. Благородные дамы и господа, ученые Академии поступили бы весьма неблагоразумно, поставив технические приспособления, компьютер выше гуманистического знания, тем самым способствуя новой катастрофе. Нам нужно сопротивляться образованию, которое выпускает молодых людей, знающих цену и ценность, но не ценящих ничего; людей, до краев наполненных информацией и неспособных переварить ее. Если мы восстановим достоинство гуманистического образования, мы сможем преодолеть информационное общество; мы сможем даже добиться приемлемого общества. |

^ Первая публикация на русском языке. Перевод с английского доктора филологических наук, профессора МГИМО Марины Кизимы.

ЧЕГО МЫ БОИМСЯ...

игорь кио

Я испытываю большую симпатию к сегодняшним подросткам – они гораздо свободнее, чем мы в их годы. Прежние поколения были невероятно закомплексованными. Сегодня другое общество и другие дети. Мне кажется, нам, взрослым, – родителям, дедушкам и бабушкам очень важно чувствовать эти изменения и не бояться их. Ведь воспитывать мы должны прежде всего свободную личность, человека, который умеет самостоятельно мыслить и не подвержен навязываемым извне идеологиям. Только мы можем научить ребенка принимать самостоятельно решения и действовать в соответствии с ними. С детства он должен осознавать, что его жизненный путь будет зависеть только от него самого.

Многим сегодняшние подростки кажутся “какими-то не такими, как нужно”, однако если мы попытаемся внимательнее познакомиться с ними, понять их внутренний мир, окажется, что и они, как и мы прежде, тянутся к образованию и всерьез размышляют о вечных ценностях, и умеют совершать поступки. Опасаться нужно не свободомыслия наших детей, а главной беды нашего времени – наркотиков. Чтобы ребенок не стал наркоманом, не втянулся в жизнь “улицы”, родители всегда должны быть с ним рядом, хотя бы морально.

Нашей дочери в этом смысле, наверное, повезло: она с самого раннего детства ездила всюду с нашим цирком, выступала, и, конечно, была лишена возможности попасть под чье-то дурное влияние. Она постоянно была под нашим контролем. Но в то же время была лишена и какой-то одной компании сверстников, у нее не было постоянных друзей, она не могла учиться в одной школе. Что поделать – такова специфика жизни артистов. Ведь в жизни вообще не бывает все ровно: что-то обретаешь, но вместе с тем что-то теряешь. Но если родители не оставляют ребенка одного, без внимания, интересуются его жизнью, то, может быть, приобрести удастся больше, чем потерять. |

Детство – некий заповедник человеческой жизни. И пускают туда не всех. В охранную зону допускаются лишь те, кто по-настоящему чувствует хрупкость и ценность того, что охраняют. Кто сам, несмотря на возраст, сохранил заповедные черты. Кто сам сродни этой зоне. Кто, как чуткий барометр, способен улавливать колебания души, мучительные изменения роста ребенка. Дети вырастают и покидают зону. Сталкеры остаются. Это их жизнь.

“Я жил не по возрасту, как живут не по средствам: пыхтя, тужась, через силу, напоказ”, – так писал **Сартр** в автобиографической повести “Слова”. В действительности дети всегда живут не по возрасту, всегда чуть с запасом, на вырост, интересами старших. И то, что описал Сартр, – типичная психология подростка. Когда же человек вырастает, он, наоборот, становится инфантилен, как бы стремясь обратно, туда, где недоиграл, недоглупил, недобрал для будущей взрослой жизни.

Воспитание – это, конечно, принуждение, но в рамках возможностей отдельной личности. И не надо проверять потолок этих возможностей максимальными нагрузками. Шаг за шагом, с похвалой за конкретные достижения, с постоянной фиксацией роста, ведя отчет только от вчерашнего дня. Прочел книжку – отлично, сходил в театр – молодец, сдержал слово, пересилил себя, смог – прекрасно, умница... Но если не получилось, тоже ничего страшного, – нормально. Получится потом... Или не получится. Главное, чтобы ребенок не учуял потерю внимания к себе; чтобы не закралось подозрение: как ученик я выработался, а как человек никогда не был интересен. Пересказывая одну из хасидских притч, **Мартин Бубер** писал, что человек подобен дереву. “Если ты стоишь перед деревом и, не отрываясь, смотришь на него, стараясь уловить процесс роста и определить, насколько оно поднялось, – ты ничего не увидишь. Но ухаживай за ним постоянно, срезай лишние побеги, охраняй от жуков и червяков, и в один прекрасный момент оно встанет в свой полный рост. Так же и человек: все, что ему надо, – это преодолеть препятствия, и тогда он вырастет и расцветет. Но не следует экзаменовывать его час за часом для того, чтобы увидеть насколько он прибавил в росте”.

“Добро ли возобладало в тебе или зло, за это я вместе с тобою в ответе” – так говорил своему другу Гольдмунду его учитель Нарцисс (**Герман Гессе. “Нарцисс и Гольдмунд”**). Так ли это? Разделяет ли учитель ответственность за все, что случается с его учеником, или на самом деле только претендует на то, чтобы отождествлять все, что происходит с учеником, обязательно с собой?.. Тот же **Гессе**, но уже в повести “Кнульп”, фактически отвечает на этот вопрос: “У каждого человека своя душа, ей невозможно слиться ни с какой другою. Двое могут повстречать друг друга, говорить друг с другом и быть рядом. Но души их, как два цветка, выросших порознь, каждый из своего корня; они не способны сблизиться, не то им бы пришлось оторваться от корней, а этого они как раз и не могут. Они только посылают свой аромат и свои семена, потому что их тянет друг к другу, но куда попадет семечко, зависит уже не от самого цветка, это зависит от ветра, а он перелетает и улетает как хочет”.

Об идеальном бескорыстии учителя и реальных мотивах его деятельности сказано так много, что просто неудобно повторять. “А как это увлекательно – проверить силу своего влияния на другого человека! Ничто не сможет с этим сравниться. Перелить свою душу в другого, дать ей побыть в нем; слышать отзвуки собственных мыслей, усиленные музыкой юности и страсти; передать другому свой темперамент, как тончайший флюид или своеобразный аромат – это истинное наслаждение, самая большая радость, быть может, какая дана человеку в наш ограниченный и пошлый век с его грубо-чувственными утехами и грубо-примитивными стремлениями” (**Оскар Уайльд. “Портрет Дориана Грея”**).

Благодарность за свой труд требуют больше всего те учителя-воспитатели и родители-воспитатели, кто в меньшей степени получает кайф от процесса. Им больше всего нужен результат, причем самым значимым и вожделенным результатом является чаще всего именно детская им благодарность. Требовать благодарности глупо, как говорил **Василий Осипович Ключевский**, другое дело, что не быть благодарным подло. А еще “это жестоко – все время требовать благодарности, благодарности, благодарности”, так писал **Торнтон Уальдер** в “Мосте короля Людовика Святого”. В этой повести-притче **Уальдер** описал тираническую, жертвенную, всепоглощающую любовь матери к дочери. “В душе она не признавала, что кто-нибудь (кроме нее) может кого-нибудь любить. Все семьи живут в засушливом климате привычки, люди целуют друг друга с тайным безразличием. Она видела, что люди ходят по земле в броне себялюбия – пьяные от самолюбования, жаждущие похвал, слышащие ничтожную долю того, что им говорится, глухие к несчастьям ближайших друзей, в страхе перед всякой просьбой, которая могла быть отвлечь их от верной службы своим интересам. Таковы все сыновья и дочери Адама – от Катая до Перу. И когда на балконе ее мысли принимали такой оборот, губы ее сжимались от стыда, ибо она понимала, что и она грешна, что ее любовь, пусть и огромная, объемлющая все краски любви, омрачена тиранством: она любит дочь не ради нее самой, а ради себя”.

Важнейшим обоснованием привилегированного положения ребенка Корчак считал его слабость, натуральную физическую слабость, незащищенность. Классическую позу детства выразил **Набоков** в буквальном и символическом смысле. Он писал в своем автобиографическом романе “Другие берега”: “И все я стою на коленях... на полу, на постели, над игрушкой, ни над чем”. Там же писатель делает еще одно очень точное и также, безусловно, символическое замечание: “В детстве мы лучше видим руки людей, ибо они, эти знакомые руки, витают на уровне нашего роста”. Недавно я неожиданно получил подтверждение этой ремарки. Одна моя знакомая очень любит Рембрандта. Она как-то пояснила, что во многом эта любовь связана с детством, когда ей подолгу приходилось рассматривать бабушкины кисти – каждую тонкую линию, всю дельту прожилок. И увидев потом детально выписанные “рембрандтовские руки”, подобные которым она так скрупулезно изучала в детстве, сразу прониклась уважением к мастерству художника, которое могла таким своеобразным образом оценить.

Мы все вспоминаем события счастливого детства с умилением и уверены, что со времен Тома Сойера так было, есть и будет. Должно быть. А если не так, значит, ребенок ненормальный, вызывает со стороны легкую жалость, а при непосредственном столкновении педагогическое негодование – вот такое “открытие” сделал для себя герой **Стругацких** модный писатель **Виктор Банев**, пообщавшись с современными детьми из школы, где училась его дочь. Действительно, мы всегда как бы сочувствуем им, когда узнаем, что вот эту книжку они не читали, вот этот фильм им не нравится, вот об этом они ничего не знают. И тут же хотим восполнить пробелы. А им это нужно?.. Наверное, совершенно необязательно учить детей на культурных эталонах своего взрослого времени. Достаточно более или менее с ними ознакомить. Важно другое: заинтересовать поисками современных культурных образцов, чтобы вовсе не оказались вне культуры.

Все нравственные, интеллектуальные, педагогические трюизмы отличаются друг от друга не только и не столько оригинальной формой, сколько заключенным внутри слов жизненным опытом и опытом переживаний. “Разумеется, – возразил я, – вам эти проблемы известны, вы читали, у вас есть знания, но меня эти вопросы потрясают, они для меня живые. Для вас эти проблемы – часть культуры. Вы не просыпаетесь каждый день с тревогой, ломая себе голову над тем, каковы же ответы на них, и твердя, что ответов нет. Но вы знаете, что все люди задавали себе эти вопросы. Знаете, что никто никогда на них не ответил и не может ответить. Просто для вас все это разложено по полочкам, поскольку вы знаете, что проблемы поставлены, поскольку вы знаете, кто их ставил, знаете, что на эти темы написано множество трактатов и книг, вы уже больше их не ставите, вы отложили их в сторону, в какой-то уголок памяти. Ну да, для вас же это часть культуры. Отчаяние рассматривали с позиции культуры, его перерабатывали в литературу, в произведения искусства. Мне это не помогает. Это все культура, культура. Тем лучше для вас, если культура сумела предотвратить драму человека, его трагедию” (**Эжен Ионеску. “Одинокий”**).

Знание бывает книжное и кожное. В первом случае понимание формальное, умозрительное, по типу “банально, кто же этого не знает”, а вот во втором – то, что действительно осознано, потому что прочувствовано “шкуркой”. Можно взять какое-либо новое знание в голову, а можно растворить в крови. |

КНИГИ | *Джоанна ролинг, игорь бурлаков*

Дж.К.Ролинг.

Гарри Поттер и философский камень.

Перевод с английского И.Оранского

М.: Росмэн, 2000

Пишите бескорыстно – за это лучше платят”, – говорил в старости Корней Чуковский детским поэтам. Успех английской сказочницы Джоанны К.Ролинг и ее эпопеи об одиннадцатилетнем маге-сироте Гарри Поттере волшебным образом подтверждает этот вердикт. На слова “Harry Potter” поисковые системы Интернета реагируют бурно: как пестрые ярмарочные палатки, раскрываются разноязыкие персональные сайты сказочного героя. По черному небу среди звезд летит худой смешной мальчик – поблескивают круглые очки, кроссовки болтаются где-то в координатах Ориона. Волшебная палочка из остролиста с пером феникса в сердцевине воздета над головой.

“А я всегда любила перья феникса”, – многозначно и мечтательно говорит Джоанна Ролинг в одном из сетевых интервью. Кажется, у дамы есть к тому основания: горела и виссвала из пепла. Филологу по диплому (специализация безнадежная – античная литература) в середине восьмидесятых после тщетных попыток найти работу и опубликовать два романа для взрослых 23-летняя Джоанна становится в Манчестере “самой худшей секретаршей всех времен”. ...Уезжает в Португалию. Выходит там замуж за тележурналиста. Через год, разведенная, с новорожденной дочерью Джессикой возвращается в Эдинбург.

В 1994-1995 годах безработная, с социальным пособием в 69 ф.ст. в неделю она проводит дни в кафе Эдинбурга, покачивая коляску дочери. Ее “дневная норма” – чашка эспрессо и несколько страниц первой части сказки, “Гарри Поттер и философский камень”. Пишет “от руки”. Первую главу переделывает десять раз. “Но я действительно писала это только для себя!” – говорила она интервьюерам много позже. По данным германского издательства “CARLSEN Verlag”, с июня 1997 по март 2000 года первые три части сказки переведены на 35 языков. (Мы по этой части 36-е в списке цивилизованных стран.) В июле 2000 года в Лондоне вышел четвертый том. Стартовый тираж англоязычного издания – 1 млн. экземпляров (в США раскуплено 100 000 томов только в первый день продаж). Стартовый тираж немецкого перевода также миллион экземпляров...

Родители Гарри Поттера, талантливые и высокообразованные волшебники, погибли в поединке с темным магом, когда мальчику было чуть больше года. Жизнь сироты “другого круга” у родственников невесела: хамоватый кузен даже не подпускает беднягу к “видику” и компьютеру с игровой приставкой... И вдруг из камина извергается лава темно-желтых конвертов из пергамента, надписанных изумрудными чернилами: Гарри извещают о зачислении в закрытый колледж Хогвартс – лучшую британскую школу-интернат магии и волшебства.

“Студентам-первокурсникам требуются: 1. Три простые рабочие мантии (черные). 2. Одна простая остроконечная шляпа (черная) на каждый день; ... 1 котел (оловянный, стандартного второго размера); ... 1 телескоп; 1 медные весы”, – гласит письмо. Книга Джоанны К.Ролинг полна прелестных, по-балетному изящных подробностей: рождественские хлопушки в Хогвартсе взрываются с пушечными залпами, с густым синим дымом, выбрасывая контр-адмиральскую фуражку и полдюжины ученых белых мышей. Норвежский горбатый дракон, который только что вылупился из яйца, похож на скомканный черный зонтик (умиленный хозяин дарит дракончику плюшевого мишку, чтоб не скучал, – дитя есть дитя).

Школа с упоением играет в квиддич, нечто вроде поло (там гоняют магические мячи в воздухе, верхом на метлах). Великий маг Альбус Дамблдор, ректор Хогвартса, имеет над левым коленом шрам в виде схемы лондонской подземки. Строгий проректор Минерва МакГонагалл иногда становится полосатой кошкой – но черные ободки вокруг кошачьих глаз повторяют контур ее профессорских роговых очков.

Интернат для детей-волшебников, вероятно, так же похож на хорошую современную английскую школу, как незабвенный НИИЧаВо, Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства из “Понедельника...” Стругацких был похож на Академгородок и Пущино начала 60-х. Но те лохматые, очкастые, вдохновенные времена канули в вечность. И, кажется, не только в России. Хогвартс, горный замок, имеет четыре башни – по числу факультетов. В каждой башне водится свое привидение: достижения учеников и выпускников факультета определяют его рейтинг в среде других привидений.

... Гарри Поттер, студент Гриффиндора – факультета смелых и честных, изменяет расклад очков и общественных веяний в профессиональном сообществе британских волшебников. Ректор Дамблдор не зря ждал этого мальчика много лет...

При таких тиражах и таком резонансе сказка становится социальным явлением. Идеальному ее читателю должно быть лет девять-десять. Можно ли говорить о “поколении Гарри Поттера”? Чему он, в конце концов, научит нашу молодежь?

...А храбрости. Порядочности. Милосердию. Защите слабого, нелепого и смешного. Любви к книгам. К своим профессорам. К своим ученикам. Абсолютно классическая мораль, диккенсовская нарядность рождественских пиров и “магических лавочек” Лондона, ясноглазый эксцентричный юмор, свойственный всем Настоящим Английским Сказкам, царят в “самой модной детской книге рубежа веков”.

Еще – в ней трогает пафос коллегиального братства волшебников разных поколений, преемственности магического знания и творчества. Так и должно быть в порядочном колледже. В “детской Касталии”, под сводами Хогвартса этот дух силен.

Нежные, нервные, печальные, единственные в своем роде лица Питера Пэна, Мэри Поппинс или Фродо Бэггинса, по-моему, все же тоньше и своеобразней, чем черты мальчика с факультета Гриффиндор. (И у Винни-Пуха черты тоньше – даром что плюшевый). Но игран европейскими детьми “в Гарри Поттера”, переписка читателей с ним в американском, британском, германском Интернете, съемки фильма ударными темпами (в роли школы Хогвартс – само Кентерберрийское аббатство; мировая премьера намечена на осень 2001 года) – все это ни в коей мере не есть результат рекламной кампании, феномен издательского пиара.

Джоанна К.Ролинг написала самую что ни на есть настоящую (и при-том – очень динамичную, веселую и нарядную) детскую книгу. Но в ее сказки такого уровня уже давно не появлялись на этом свете. Бурное увлечение “Гарри Поттером” обнадеживает современников Миллениума. И, возможно, делает человечеству честь.

Но странные тени отбрасывают Настоящие Литературные Сказки на судьбу своих создателей. История Гарри Поттера продолжается, многотомность придает сюжету особое обаяние. У русского читателя, как всегда, все впереди: его ждут еще три тома. Западные школьники обживают четвертую часть. Будет и пятая, и седьмая (по некоторым утверждениям – и двенадцатая). Но сказочница обмолвилась в свежем интервью: она начинает бояться своего героя. Вездесущая тень, мировая слава Гарри Поттера всерьез вмешивается в ее отношения с самым близким человеком – семилетней дочерью Джессикой, “подлинной героиней моей души”. |

/елена дьякова

Бурлаков Игорь Владимирович

Ното Gamer. Психология компьютерных игр.

Москва, 2000

Когда в руках оказывается книжка со своеобразным названием “Ното Gamer” (Человек–игрок), то сразу же в сознании всплывает немало ассоциаций. В этом веке, как вы хорошо знаете, не раз поднималась проблема: кто же он, этот человек? Почему все меньше и меньше мы повторяем уже привычное homo sapiens – человек разумный?

Самый исследователь бросил вызов образу человека разумного в XX веке. Многие из них для меня – это Иохан Хейзинга, который написал книгу “Ното ludens” (Человек играющий) и, по сути дела, как один из ведущих философов культурологии, распространил игру на всю окружающую нас реальность. Даже Шекспир, бросивший свою знаменитую фразу “Весь мир – театр, и люди в нем – актеры”, и то был более умерен в своих воззрениях на игру, чем Хейзинга. Но Хейзинга говорит о культуре, и слово “культура” выступает, по сути дела, игровой реальностью только в таком, культурогенетическом смысле слова. Игра для него – это феномен культуры.

Вместе с тем прагматичный XX век говорит: “Нет, игра – это не только феномен культуры. Не надо ее сводить к культурной жизни. Игра – это не то, где надо просто играть и делать акцент на том, чтобы выиграть”. И здесь начинается другое прочтение игры. Вспомните роман “Игрок” Достоевского: “И здесь начинаются другие игроки”. И как это ни парадоксально, именно с играми Достоевского более всего ассоциируется наступающая на нас совершенно особая реальность, которую мы не знаем, – реальность виртуальных миров, приходящая через компьютерные игры.

Виртуальные миры – вот та реальность, ключом к которой выступают компьютерные игры, в которые играют и играют, играют и играют и дети, и взрослые. И дети начинают в них играть уже в самом раннем возрасте: и в три, и в четыре года они куда лучше нас, взрослых, куда спокойнее, увереннее сидят за компьютером. Для них он так же привычен, как для нас с вами авторучка.

Какие опасности подстерегают нас, когда мы занимаемся компьютерными играми? Какие нас ждут сложности? Главное: в виртуальном мире может возникнуть виртуальная ответственность, то есть виртуальный мир позволяет убежать от ответственности в другой, третей, десятой... веренице виртуальных миров. И поэтому так важно понять: игрок? Будет ли оказываться в пространстве компьютерной игры, куда поведет его эта игра? Будет ли она какой-то агрессивной или школьной гуманистической по отношению к миру? По сути, этот вопрос – явно или неявно – проходит через книгу “Ното Gamer”, написанную Игорем Бурлаковым – талантливым журналистом и человеком, вступившим на путь психологии.

Кто прочтет ее, должен четко представлять себе, что сегодня человечество подстерегает эффект, который я назвал “эффектом вельда” – по названию фантастического рассказа Рея Брэдбери. Что такое “эффект вельда” или, как иногда говорят “эффект детской комнаты?” Брэдбери описывает ситуацию, когда родители запрещают детям играть в соседней комнате, где создана фактически виртуальная реальность. Оттуда, из детской, каждый день доносятся голоса, крики, страшные вопли, которые кажутся родителям удивительно знакомыми. Им уже начинает мерещиться, что это навязчивая галлюцинация. Но родители при этом все повторяют: “Прекратите играть... Идите заниматься... Идите делать то, а не это...” – и накладывают на детский мир запрет за другим. И вот однажды они оказываются в детской комнате, и на них с экрана выхлещут лужи... И тогда они слишком запоздало понимают, чьи же крики столь часто слышались из соседней комнаты.

За “эффектом вельда” выступает разрыв между поколениями – между взрослыми и детьми, за ним скрывается конфликт поколений. И не может ли получиться так, что растущее племя уйдет в виртуальные миры и мы не сумеем понять, вернется ли оно к нам или нет.

Практически земная поверхность размножилась виртуальными мирами. И никакому Уэлсу, который писал о войне миров, даже и не снилось, что война миров не где-то в фантастических рассказах, а здесь, рядом. Война миров начинается. Война миров стартует с компьютерных игр, в которые играют наши дети. Чем закончится эта война? Чтo произойдет? Будем ли мы пассивными наблюдателями, останемся ли ждать, когда дети пригласят нас в “детскую комнату?”

На эти вопросы и пытается по-своему дать ответ в своей книге “Ното Gamer” Игорь Бурлаков. |

/ александр асмолов

РАЗГОВОР СО ШВЕЙЦАРСКОЙ МАМОЙ

мария ганькина

-мама двух сыновей, структурный лингвист и школьный учитель, а теперь еще и журналист. Визит в Швейцарию не был командировкой. Приехал, по приглашению порузии, погостить, чуть не на следующую день, она, спасаясь от неприкаянности и тоски, принялась за работу. И начала с этого интервью.

Инна живет в Швейцарии уже девять лет, восемь из которых является мамой крупного черноглазого Микеланджело. "Понимаю... И просто Анджело - тоже скружено (на ангела он никак не похож!). Но имя надо как-то сокращать, поэтому прикился Микеле, Мика"...

Микеле из всей разнообразной швейцарской еды ест только спагетти. Это чистая правда. Я и сама бы не поверила, что человек может питаться одними спагетти, если б не видела собственными глазами...

Самый для Микеле трудный вопрос: "Микеле, на каком языке ты думаешь?" - На трех! С папой и его родней - на итальянском, с мамой - старается на русском (потому что мама тоже знает итальянский), в женевской школе (а Женева расположена во французской части Швейцарии, и поэтому говорят там исключительно по-французски) - естественно, на французском...

У меня была версия, что родительские впечатления, связанные с поступлением ребенка в школу, практически не зависят ни от географии этого события, ни от национальности или степени материального благосостояния мам и пап... Мы поговорили. И я узнала много чего для себя - болеющей за детей учительницы, болеющей за школу новоспеченной журналистки и к тому же болеющей за своих сыновей мамаша - интереснейшего и поучительного...

- Итак, твоему Микеланджело стукнуло шесть лет...

- Здесь, в Швейцарии, дети идут в школу с шести лет. Но Микеле пошел с семи. Мне показалось, что в свои шесть лет он ничего не умеет. Разве что читать. Поэтому для начала я отдала его в подготовительную группу в Москве - специально приволокла, чтоб швейцарской школой не травмировать.

Кстати сказать, здешние родители не готовят детей к школе принципиально. Никто не учит их ни читать, ни считать. Они говорят: а что же ребенок будет в школе делать? Ему будет скучно. Ну, а уж если он как-то сам по себе выучился - тут уж ничего не поделаешь.

- То есть здешний первый класс - вроде нашей подготовочки?

- С той разницей, что учатся они 12 лет.

- И все же Микеле в швейцарскую школу пошел. По какому признаку вы ее выбрали?

- У нас не было никакого выбора. Мы тогда жили в Тичино, итальянской части Швейцарии, в приальпийской горной местности. И отдали его в ближайшую школу.

- Сельскую?

- В сельскую... Со своими конюшнями и бассейном... Сразу во второй класс. Мы посмотрели программу: чему он должен выучиться? Каждого класса начальной ступени - по одному. И так во всей Швейцарии. Зато таких маленьких начальных школок в каждом районе (они здесь называются коммуна) - видимо-невидимо. Потом дети из таких игрушечных школ объединяются в средние. А эти уже - огромные, в несколько зданий. И их немного. На всю Женеvu, например, четырнадцать государственных школ.

- И так Микеле попал во второй класс...

- И получилась вот что: по положению о швейцарских школах в классе не должно быть больше двадцати четырех человек. Если набралось двадцать пять - значит, класс делят пополам.

У нас же в Тичино, в швейцарской глубинке, второй и третий класс объединили в один. Всего двадцать четыре человека. Получился смешанный класс. Сельская школа, некомплект, сама понимаешь...

- Это уже интересно, потому что в нашей городской школе этого себе представить просто невозможно. Нет, некомплект себе представить можно. Но невозможно, чтобы объединили второй и третий классы!

- Но мы в этот класс не попали. И вот почему. Я сообщила в школе, что как только у меня через два месяца закончится здесь работа, мы переедем в Женеву. Мне сказали: что ж, очень жаль, потому что, если бы Микеле пришел в этот класс хотя бы на год, то это послужило бы поводом разделить класс. Им не хватало как раз одного ученика, чтобы сделать отдельный второй и отдельный третий классы и дать нагрузку еще одному учителю.

Кстати, папа Микеле тоже учился в такой малокомплектной школе (опять же сельской), в таком вот смешанном классе. И у него самые лучшие воспоминания. Он учился хорошо, чуть ли не на все пятерки. Потому что, как он говорит: мы страшно было интересно, чего там делают все остальные. И он всюду совал свой нос...

Мика со своей программой второго класса попал в первый класс, к шестилетним детям. И опять класс разделился на две части: на него - и всех остальных. Всего детей было 16. Ему давали отдельные задания, а остальные 15 учились бок...

- Как это все выглядело? Ты была хоть на одном занятии?

- Прийти было нельзя. Не только родители, вообще никто не может прийти на урок к швейцарскому учителю. Разрешение нужно получать на уровне министра образования.

- А строится рабочий день у шестилетнего ребенка?

- Каждый день за школьниками приезжает автобус. В 8 с чем-то ребенок должен стоять на остановке. Родители не провозжают. Первоклашки садятся в автобус сами, надутые от гордости.

Они учатся, учатся, учатся и в полдвенадцатого заканчивают. Автобус их везет домой обедать. В полвторого начинаются следующие занятия. Дети опять едут в школу.

Первая половина дня - это, как правило, чтение и счет. Да и вторая половина дня - рисование, пенне - тоже как бы обязательная, ты не можешь не приехать. Рабочий день кончается в полчетвертого.

Мне, кстати, совершенно не нравится, что дети мотаются туда-сюда. Приехал - надо быстро поест. Только побегал к своему товарищу, махнул ему рукой, они там перекинулись каким-нибудь мячиком - а тут уже родители кричат: скорей, автобус сейчас приедет!..

Маэстро Николо

- А как звали учителя-то?

- Маэстро Николо. Это итальянское имя.

- А дети его как звали?

- Никола. По имени. О, чудесный дядька! Лет ему около тридцати. Его собственные дети ходят в эту же сельскую школу, только, конечно, не к нему в класс. По-моему, невероятно творческая личность. Вообще, жизнь в классе была хорошая. В швейцарской школе учителю дается полная свобода. Он может как угодно вести уроки, что угодно придумывать, лишь бы дети, если им положено считать до 20 - умели бы это делать.

- А если кто-то так и не научился?

- Ничего страшного. Есть специальный педагог, который называется педагогическая помощь. Он просто приходит на урок и детей, которые хуже читают или считают, может забрать к себе, в отдельный кабинет.

- Он сам решает, кого забирать к себе в отдельный кабинет?

- Как правило, туда периодически навдываются все дети. По ходу учебы. Педагогические помощники работают бок о бок с основным учителем. В нашем классе, педагогическую помощь вела жена маэстро Николо. Это была замечательная пара. Детям они оба очень нравились.

Они говорили родителям: "если ваш сын или дочь нуждается в такой помощи, не думайте, что он хуже других. Просто у него свой темп развития, и мы ему поможем включиться в общий". Дети не воспринимают это как негатив: ага, ты пошел отдельно заниматься - значит, ты дурак. Наоборот! Они это воспринимают как радость, подарок судьбы - там весело, там играют...

Впрочем в Женеве нет такой педагогической помощи, она есть только в сельской малокомплектной школе.

- Как же Никола с Мишкой занимался - с одним посреди пятнадцати первоклашек?

- Он дает, скажем, письменное задание своему основному первому классу, а Леонардо у него в это время считает. Потом дает Леонардо какое-нибудь письменное задание... Никола говорил: что я ему буду программу давать? пусть ему лучше будет интересно! И они с ним за месяц дошли в устном счете до тысячи. Во как! И что ему было с нами возиться? Он ведь знал, что Мика учится в его классе только два месяца - вроде бы, сиди да читай... Избаловал он нас...

Никола, кстати, прекрасно играл на гитаре. Каждый день у них в классе начинался с песни. Мы с Лео до сих пор поем Николины песни...

- Ты помнишь свое первое родительское собрание?

-Каждый сел на место своего ребенка. Места были подписаны именами детей. А на учительском столе было написано - Никола.

Но пришла же, что меня поразило гордо? Большая половина пришедших на собрание (а пришел все) - папы! Как потом с удовольствием сказал мой муж: у нас в Швейцарии родители традиционно интересуются педагогикой, и папы, в частности, традиционно интересуются образованием и учебными делами своих детей. Это традиционно время от времени, я бы сказала... Как и везде. Но факт налицо - пап на собрании было очень много.

- А уроки были ограничены по времени?

- Между уроками у них были общие перемены. Здесь стараются перемены делать на улице. Но не после каждого урока. А полтора часа идет первый урок, после этого большая перемена - чуть ли не полчаса. Дети играют в футбол, катаются на великах...

Учатся они четыре дня в неделю: понедельник, вторник, потом четверг и пятницу. Среда - выходной. В один из четырех учебных дней - горные лыжи. Два раза в неделю - коньки на школьном катке. Раз в неделю - бассейн, но на полдня. Одно время мне все это казалось такой халевой - когда ж они учатся-то?.. Поэтому я стала серьезно опасаться за уровень образования своего ребенка. Сама-то я закончила московскую спецшколу...

- Да-а-а, я помню, ты говорила: у моего Микеле первый класс был развлечением. Но потом вдруг выяснилось, что он зубок знает таблицу умножения. Какие наши российские дети после первого класса знают таблицу умножения?! (Я не говорю о тех, кто учится в математических школах, им-то просто-напросто после первого класса задают выучить всю таблицу умножения на каникулах - да и все!) А Мишка знал... Может, ты его сама натаскивала?

- Нет, конечно! Это произошло... как-то само собой...

В женевской началке

- А через два месяца вы переезжаете в Женеву, и Микеле попадает в городскую школу?

- Да, в обычную школу по месту жительства - ее из окна видно. Во второй класс. К обычной учительнице. Но он не говорил по-французски, вот в чем была загвоздка. А Женева - французский город.

Надо сказать, что вначале дети его встретили враждебно. Если ты не можешь общаться, мы научим тебя общаться кулаками. У них в классе был очень трудный мальчик. Родители водили его к психологу. Агрессивный мальчик, хотя очень красивый. Антуан.

И вот Антуан стал бросаться на Микю и подкачивать ребят: мол, дай ему по шее... Я даже ходила в школу разбираться... Не помогло.

И тут учительница (посадила ее потрясенная девочка звелоча Карлоттой, которая говорила по-итальянски (!) И эта потрясенная девочка моего Микелюшу к себе под крыло. Стала переводить все, что говорит учитель, с французского на итальянский. Микюша ходил за ней по пятам как пришитый. До тех пор, пока через месяц не заговорил.

- Через месяц Мика заговорил по-французски?!

- Да. Сначала он все слушал, слушал. А недели через две пришел домой и говорит: весь класс сегодня очень обрадовался, потому что когда мне кто-то дал карандаш, я сказал мерси. И в классе зовуцало: Микеле сказал мерси! Микеле сказал мерси!

После этого "мерси" он понял, что может еще что-то такое сказать... И пошло, и поехало...

- Ставят ли в женевской школе отметки?

- Нет, но периодически бывают контрольные работы, в которых надо из 30 очков надо набрать 20. Плохо, если набираешь меньше 20.

- В начальной школе задают домашние задания?

- Где как? Каждый из двадцати двух швейцарских кантонов (что-то вроде штатов) сам решает: как программы, с какого по какое число канкулы, какие языки учить в школах... Устраиваются обсуждения по телевидению... А уж с домашними заданиями, наверное, вопрос решается на уровне школы. А то и класса.

В нашей конкретной государственной женевской школе дело обстояло так. На неделю выдавался лист по французскому языку формата А-4 с игровыми заданиями, с какими-то кроссвордами. Выдавался он в понедельник, а принести и сдать его нужно было в пятницу. Такой же лист по математике. Плюс контрольное чтение. Каждую неделю в выбранном месте кнжечку, которую он ялюбил или не ялюбил читал, но проверять это у них не принято.

- А стиль обучения на уроке какой?

- Опять же ничего нельзя сказать про стилистику всей школы вообще. Стиль конкретного человека - да. Например, в нашем классе, написал - идишь учителю показываешь. Или решил задачку - показал.

Нет, сбора тетрадей у них нет. Только контрольные работы когда пишут. Ежедневная проверка проходит прямо на уроке. Написал - неси учителю. Учитель отмечает: хорошо, очень хорошо. Какими чернилами? Да тоже учились.

Мика рассказывает: как весь класс вскопич с парт! как столпится вокруг женевской учительницы! Полная неразбериха! Тогда я спросила: а у Николь? "Нет, - говорит, - у Николь нет. Если два человека стоят, остальные должны сидеть". У Николь было больше порядка. Дети это любят. По крайней мере, Мике нравилось, что есть заведенный порядок.

А здесь, в женевском втором классе, все было беспорядочно. Доходило до драк. (Я думаю, у Николь этого просто не могло бы произойти ни с каким человеком). Ведь дети подхватывают учительскую беспорядочность. И учитель начинает кричать на детей, что они устраивают беспорядок. Леонардо рассказывал, что когда приходят родители, она улыбается, всем кивает, а на детей кричит.

И еще - это меня поразило - иногда она говорит: это идиотский вопрос. Скажи, университетные для детей...

Хорошая здесь существует традиция: основной учитель в начальной школе меняется каждые два года. В первом-втором классах - один учитель, в третьем-четвертом - другой, и в пятом-шестом классах - третий.

- Это здорово, потому что дети не закидываются на одного учителя, учатся вливаться к разным людям... Да и учитель не закидывается. А то всякое бывает... То-олько вложи в них всю душу, то-олько начал подсознательно жаждать воздаяния, а они, неблагодарные... Как - хрься! - тебе других детей подбрасывают. Поневолье перестанешь всю душу вкладывать. А оно и хорошо. Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...

Что понравилось? Сводный хор!

- Безоговорочно в женевской школе мне нравится то, как они поют и какие делают первоклассные концерты. В концертах участвует вся младшая школа. С детьми работают педагоги со специальным музыкальным образованием - концертмейстер, хормейстер...

Перед Рождеством - никакой учебы. Каждый день прилапываются. Сначала отдельно по классам. Потом классы сливаются в сводный хор. Идут репетиции. Сначала...

- Представляю: сидят умиленные родители и слушают. Но школьный хор, случайно, не натаскивание, не обязательное для детей?

- Что ты! Мой Микелюша ведь не с начала учебного года репетировал, так что еще не все слова знал. Но как он гордится участием в Рождественском представлении! У них в хоре все делалось как-то по-доброму, легко, но в то же время достаточно профессионально: кто-то стучал по чему-то, кто-то звенел, кто-то гудел, кто-то объявлял... Потом дети постарше пели более сложный репертуар... Потом - опять все вместе...

Мика говорит: тебе понравилось, как мы пели? На следующий день опять: ну ты помнишь, как мы вчера пели?

- Я всегда знала: хор - это здорово. Хор - это пенне вместе. Когда у них вдруг вместе что-то получается, они начинают слышать друг друга, получают созвучие голосов и они от этого балдеют - это замечательно... Это и есть воспитание.

Дом культуры по-швейцарски

- В Женеве среда - тоже выходной день.
- Да.
- Родители на работу. Куда же дети?

- Я отвела Микю в... Я не знаю, как это по-русски... Дословно - Дом развлечений и отдыха. Дом культуры, короче. Такой есть в каждом из 14-ти районов, точнее, коммун. Этот дом - это особая песня...

Я отвела Микеле на полный день в группу разновозрастных детей. Их было человек двадцать пять. С ними занимались два профессиональных педагога: музыка, рисование, катание на лошадах, походы в музей, театр и прочее. Мика за всю жизнь столько не ходил, сколько он находился с этими замечательными тетечками.

Больше всего мне запомнилось то, что обед готовится вместе с детьми, а потом дружно поедается. При чем детей учат не только есть, но и накрывать на стол, убирать за собой. Мика у меня с тех пор и посуду моет, и квартиру помесосит...

- Дети там спят? У них есть тихий час?

- Нет, не спят. Хотя есть совсем маленькие... Я однажды наблюдала такую картину: как после обеда в закутке, где вешают одежду, дрыхнут дошколята, свернувшись калачиком на упавших куртках...

- Ты за Мишку платила?
- Да, но ты знаешь, это была вполне доступная цена.
-- А что еще интересного происходит в швейцарском Доме культуры?

- Еше там собираются мамы с двух-трехлетними детками. Но не в среду. Звучит клин: давайте соберемся во вторник, в 16.00. Мамочки приходят пообщаться, обсудить свои насущные проблемы - кормежку детей, их болезни, капризы... Примерно то, что происходит у нас возле песочницы, когда мамы выгуливают детей. Только здесь, в Доме, можно выпить кофеюку, да и детшкам есть чем друг с другом заняться.

Второгородничество

- Хорошо, отметок в школе нет. Но как-нибудь поощряют тех, кто больше баллов зарабатывает?

- Допустим, пишут они диктант из нескольких слов. Если ты сделал десять раз подряд ноль ошибок, то тебе выдают какая-нибудь новую красивая ручка. Ребенок подсчитывает: сколько у меня уже набралось работ без ошибок? Ага, завтра мне должны выдать ручку.

Но есть годовые контрольные работы. И они жесткие. Потому что тест - он и есть тест. Набираешь определенные баллы. И там уже надейся только на себя. Если набрал 30 баллов, это очень хорошо.

- Ну, а если совсем мало баллов набрал какой-нибудь бедолага? Не тянет программу. Тогда что? Какие у него перспективы?

- Я была свидетельницей развернувшейся по телевидению Тичино дискуссии: что делать с отстающим учеником? Перспектив - три. Первая - подтянуться с репетитором и подняться. Но это стоит больших денег. Вторая - перейти в класс послабее. Это касается только средней школы, не начальной. В средние школы Швейцарии существует иерархия по уровням подготовки. Поэтому в своей параллели всегда можно перейти в класс, уровнем ниже, послабее.

- И последняя, самая популярная перспектива - это остаться на второй год. Да-да! Для нас остаться на второй год - это катастрофа. В Швейцарии - это нормальное явление. Остаются на второй год либо по решению педсовета, либо по желанию самого ученика. Хочешь повторить программу? Чувствуешь себя неуверенно? Много проболел? Хочешь посмотреть учителя? Пожалуйста - оставайся на второй год. И никто на тебя косо не посмотрит.

В лицеех, в колледжах многие старшеклассники (даже те, кто очень хорошо учится!) по своему собственному желанию еще раз повторяют предпоследний год. Чтобы в последнем, выпускном, классе были самые высокие баллы. А вот последний год повторять нельзя, уввы.

Хобби - дело второе

- Ну, а как тут у вас в Швейцарии дело обстоит с внешкольными занятиями? Мучают здешние родители своих детей музыкальной школой?

- К сожалению, не мучают. Нет, если ребенок хочет, то пожалуйста. Но, как правило, это не очень высокий уровень и очень большие деньги. Здесь хобби считают делом несерьезным. Вот школа - это основное, главное. А все, что вне школы, - уж как видится. Мало профессионально. Очень все по любительски. Нет традиций. Я сравниваю с самой обычной советской музыкалкой.

Все свободное от школы время дети болтаются. Раз в неделю еще чем-то могут позаниматься. И то мама нашей трехлетней Карлотты сказала: ну зачем нагружать ребенка? Дети должны быть детьми... Да и потом это стоит денег! (А их семья одна из самых богатых в Швейцарии).

Я определила Микю в гимнастику. Ему очень нравились занятия, и то он все время упирался, потому что под окнами гуляют мальчишки, играют в футбол, катаются на велосипедах... А почему я должен идти, почему все гуляют, почему никто ничем не занимается, а я должен заниматься?В России он не задает таких вопросов. Потому что все с утра до вечера чем-нибудь занимаются...

Все еще хочется в школу

- Но ты не утерпела и привезла Микеле в Москву. С тем, чтобы дать сыну зачатки фундаментального образования и не дать закиснуть его разгильдяичным привычкам? Микеланджело пошел в третий класс по программе 1-3. Ну и как ему, тебе наша школа?

-Я пока не разобралась - слишком мало времени прошло. Но то, что Мике нравится учиться - это факт. Бывает, мы закрываем где-то, придем домой поздно... Утром вдруг звонит будильник. Я говорю: Мика, может быть, нам не ходить в школу? А он: ка-а-ак не ходить?! Вскрывает как ужаленный - и бегом в школу.

Так было и в Швейцарии. Может, сейчас он так ведет себя по привычке?

- Можешь мне верить, в России ты немного найдешь второклассников, которые бы хотели ходить в школу или учиться. Папа одного из моих учеников как-то сказал коллегам по работе, что его сын недоволен тем, что в школе ему мало задают... Коллеги ему не поверили: ка-ак, твой ребенок в третьем классе - и до сих пор хочет в школу?!!!!

..Подумай: может, потому у швейцарских детей и нет никаких внешкольных дополнительных хобби, что вся самая интересная жизнь сосредоточена как раз в школе! И хор, и рисование, и выпечка какой-нибудь тарталетки вместе с ее поеданием?... А у нас школа - это школа. Поэтому в школу я не хочу. Я хочу туда куда-нибудь, но только не в школу. А если занятия по музыке похожи на школьные уроки, то на них я тоже не хочу...

Так что спасибо Николь! Спасибо и женевской школе! Там нет жесткой системы отметок, дети там якобы только и знают что развлекаться... Но твой Мишка хочет учиться.

Разве этого мало? |